
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валентин Огнев
(г. Щекино, Тульская область)

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ ГОРОДА ЕФРЕМОВА

Наш постоянный автор.

В любом городе имеется главная площадь. Имеется она в городе Ефремов Тульской области. Название ее — Красная площадь. Ефремовские краеведы указывают, что это название площади связано с событиями 1917 года, с установлением Советской власти и утверждено данное название в 1924—1925 годах. До этой даты она якобы именовалась Нижняя торговая площадь, Нижняя площадь. И во многих документах мы это встречаем.

На площади были расположены дома купцов, мещан, торговые ряды. Здесь проходили ефремовские ярмарки. На ярмарки с различными товарами приезжали тульские, елецкие и других окрестных городов, населенных пунктов купцы, мещане, крестьяне.

Но в ходе изучения документов Тульского областного архива название Красная площадь, связанное с городом Ефремов, стало уже встречаться с 1876 года. В списках домов по Ефремову, которые отдаются в найм указаны: дом «Купцов Ивана и Василия Сафроновых Алексеевых на Красной площади», «Дом занимается Уездною Земскою Управою и Мирowym съездом на Красной площади». По переписи городских недвижимых имуществ 1913 года города Ефремов домовладения Вавилова В. В., Болотова и др. значатся по улице Красная площадь. Какое значение имела Красная площадь для отдельных сословий, можно проследить по возникшим отношениям между мещанином Тимонич и Ефремовской Городской Думой с Управой во второй половине 19 века. Документы произошедшего конфликта конкретно подтверждают, что современное название Красная площадь города Ефремов имела такое же название и в 1884—1886 годах.

12 октября 1884 года на имя Тульского Губернатора поступает прошение Ефремовского мещанина Николая Никитовича Тимонич. В прошении он указывал, что два года тому назад он утруждал Губернатора покорнейшею просьбою, которая заключалась в следующем: Ефремовская Городская Дума сдала с торгов два места на Красной площади под постройки двух белых харчевен. Сняты тогда были эти места Городским Головою Михаилом Владимировичем Шиловым и его братом Филиппом Владимировичем Шиловым. В виду того, что сданные места находились в близком расстоянии от его дома и что застройка этих мест грозила опасностью в случае пожара не только его дому, из которого было бы невозможно спасти имущество, но и ряду деревянных лавок окружающих его дом. Губернатором по прошению было сделано

распоряжение об отмене постановления Думы и запрещена постройка белых харчевен. Далее Тимонич описал сущность своего нового обращения.

Фрагмент листа 5 источника. На фотографии Красной площади г. Ефремова деревянные лавки, дома купцов, дом Николая Никитовича Тимонич 2-х этажный справа и Яндовского одноэтажный слева.

Он указал, что 22 августа 1884 года Ефремовская Управа вновь с торгов сдала запрещенное Губернатором место на Красной площади. Место было сдано брату Городского Головы Ефремовскому купцу Филиппу Владимировичу Шилову под постройку деревянного дома для жилья или под промышленное заведение сроком на 9 лет. 17 сентября постановлением Управы торги были утверждены Ефремовской городской Думой.

Тимонич в своем прошении считает, что Ефремовская Городская Дума поступила противозаконно. И если будет возведена предполагаемая постройка, то зауженные проходы и проезды будут нарушать противопожарную безопасность. В случае пожара может сгореть его дом и все имущество. Также могут сгореть 22 раствора деревянных лавок, расположенных рядом с домом. К прошению Тимонич приложил частный план.

О себе Тимонич описал, что человек он бедный и не может отстаивать свои права лично, на этом основании просит Губернатора защитить его от неправомерных действий Ефремовской Городской Управы и Думы.

В целях проверки указанных фактов в прошении, из Ефремовской Думы и Управы Губернским Правлением запрашиваются соответствующие документы, из Тулы в город Ефремов направлялся инженер-землемер. К проверке заявления Тимонич подключали Ефремовского Полицейского исправника. Первоначально каждая из участвующих сторон представила те документы, которые были в их интересах.

25 октября 1884 года Городской Голова Шилов на имя Губернатора описывает законность продажи с торгов в аренду места под строительство деревянного здания под жилье или промышленное заведение. Также он указывал на то, что «через сдачу этого места в аренду под постройку деревянного здания ни сколько не представляется опасным в пожарном отношении ни дому Тимонича и ряду лавок, так как проход и проезд между лавками останется с постройкою постройки достаточно свободным, а если стеснение будет около дома Тимонича, то единственно через самовольный им захват земли пристройкою галереи с крыльцом означенной по плану под 2». Далее он пояснял, что место не предназначалось конкретно Шилову, а сдавалось в аренду с

торгов, что в этом деле не были задействованы родственные связи. Городской Голова Шилов сообщал Губернатору о недостоверности факта прекращения прежнего строительства белых харчевен губернским руководством. Факт прекращения этого строительства был инициирован и не разрешен Городской Думой. О себе Тимонич также указывал неправильные сведения. Как доложил Губернатору Ефремовский Городской Голова, что «Тимонич человек состоятельный, имеет в своем доме трактирное заведение, питейное заведение и производит в лавках под домом разную торговлю, получая доход в год более 2500 рублей».

Проверку застройки Красной площади города Ефремов проводил Тульский Губернский инженер. 12 ноября 1884 года по итогам проверки он писал рапорт на имя Губернатора. В начале документа он полностью приводил пояснения Городского Головы Шилова по факту выделения мест под строительство на Красной площади. Приведя эти пояснения, губернский инженер излагал свои доводы, законодательно обосновывая их. Он сразу же указывал на противозаконность действий Ефремовской Городской Думы. Выделенный с торгов участок должен был утверждаться Губернатором. Городской Думе на площадях предоставлено право разрешения только об отводе мест для постановки подвижных ларей, палаток, полицейских будок, то есть построек незначительного размера. Громадная же жилая деревянная возводимая купцом Филиппом Шиловым с разрешения Думы никак не может относиться к постройкам незначительного размера и тем более к подвижным, так как строится на каменном фундаменте, а потому принадлежит к разряду недвижимых имуществ, при этом происходит изменение площади.

Как указывал Губернский инженер, вторым фактором недостоверности пояснений Городского Головы Шилова являлось то, что постройку белых харчевен запрещало Строительное Отделение Губернского Правления, а не Ефремовская Городская Дума.

Далее он описывал, что возводимая постройка нарушала Строительный Устав и приводил какие она градостроительные изменения произведет на площади. А приводило это к изменению кварталов на Красной площади, т. е. нарушению утвержденного плана города Ефремова.

В связи с имеющимися нарушениями Губернский инженер в рапорте задавался вопросом и давал ответ: «...в силу каких именно убеждений Ефремовская Городская Дума позволяет себе нарушать права чужой собственности; ответ на это ясно изложен во 2-м пункте донесения Ефремовского Городского Головы Шилова, где он словами «два года тому назад постройка белых харчевен не осуществилась не по воспреещению Вашего Превосходительства, а по постановлению Городской Думы», ясно и определенно осмелился выразить свое убеждение, что Ефремовская Городская Дума имеет право действовать самостоятельно, вне власти установленной силою закона, что подтверждается и в настоящем деле нарушением статей как Городского Положения, так статей Строительного Устава».

19 ноября 1884 года Тульским Губернским по городским делам Присутствием рассматривался вопрос о незаконной застройке Ефремовской Городской Думой Красной площади. На основании заявления Ефремовского мещанина Николая Никитовича Тимонич, материалов, представленных Губернским инженером, Присутствие вынесло определение. Вынесенным определением Тульское Губернское по городским делам Присутствие отменило постановление Ефремовской Городской Думы от 17 сентября 1884 года. Основанием для отмены постановления явилось: «1) что возведение означенной постройки по заключению Губернского Инженера сопряжено с изменением ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного для города Ефремова, каковое изменение, в силу 113 ст. Полож., может быть допущено не иначе, как с утверждения Губернатора; 2) что определением Думы об отдаче впервые участков земли, находящихся под площадями, улицами и т. п., а равно и устройство на таких участках сооружений, стесняющих проход или проезд, на основании 122 ст. Полож. в уездных городах так-

же подлежат утверждению Губернатора и 3) что утверждению Губернатора, как на изменение плана города и на отдачу в аренду земли, так и равно и на возведение на этой земле здания в данном случае Городским общественным управлением даже и не испрашивалось, распоряжение же Губернатора о напечатании определения Думы 6 июля в Губернаторских ведомостях, в силу разъяснения Правительствующего Сената 20 ноября 1874 г.—23 апреля 1875 г. № 8699, не равносильно утверждению самого определения».

В этом же определении Тульское Губернское по городским делам Присутствие в действиях Ефремовского Городского Головы и Членов Управы усмотрело противозаконное деяние, предусмотренное статьей 338 Уложения о наказании уголовных и исправительных 1845 года. Документ предусматривал дальнейшее распоряжение о привлечении к ответственности руководства города за превышение власти, потребовав от всех этих лиц по возводимому на них обвинению подробные объяснения.

Проводимой проверкой по его первому заявлению оказался недоволен Тимонич. Он пишет повторное прошение. Прощение писалось от имени Ефремовского купца, а не мещанина. Это единственное упоминание о купце Тимонич в материалах конфликта. Он указывал, что Ефремовская Городская Управа дала объяснения по поводу новой застройки, защищая свои интересы и Шилова. Также он просит «Ваше Преосвященство за мой счет командировать техника инженера Губернского Правления для осмотра постройки г. Шилова и вообще Красной площади города Ефремова, которая застроена деревянными лавками вопреки закона и затем обязать г. Шилова снести незаконно возводимую им постройку».

Получив определение Губернского Присутствия, Собрание Ефремовской Городской Думы 16 декабря 1884 года проводит заседание. Оно не согласилось с присланным документом по следующим причинам. Во-первых — Губернаторское Городское Присутствие не рассматривало представленный план города Ефремова 1825 года, во-вторых — постановление Городской Думы по вопросу сдачи земельного участка на Красной площади было своевременно предоставлено Губернатору, но Губернатор в положенный срок протест не вынес. Поэтому собрание решает обжаловать в Правительствующий Сенат определение Тульского Губернского по городским делам Присутствия. Обжалование направлялось за подписью Председателя Собрания Городского Головы Шилова.

В части привлечения Шилова и членов Думы к ответственности процесс не останавливался. Городской Голова Шилов и член Управы Петров 22 декабря 1884 года на имя Губернатора пишут совместное объяснение по факту якобы превышения власти при выдаче разрешения купцу Шиллову для строительства деревянного дома на Красной площади города Ефремов. Отдельно от них 3 января 1885 года представлял Губернатору свое объяснение Член Управы Роман Васильевич Куницын.

В это же время, 9 января 1885 года, Ефремовский Городской Голова Шилов, с соблюдением процессуальных норм обжалования в вышестоящих инстанциях, направлял жалобу Тульскому Губернатору на отмену Тульским Губернским по городским делам Присутствия определения Городской Думы от 17-го сентября 1884 года об отдаче городского места под постройку. В сопроводительных документах он просит жалобу направить в Правительствующий Сенат по 1-му Департаменту. И 21 января 1885 года Губернатор направляет жалобу в Правительствующий Сенат.

По Указу Его Императорского Величества 5 июня 1885 года Правительствующий Сенат рассматривает дело по жалобе Ефремовского Городского Головы на постановление Тульского Губернского по городским делам Присутствия об отдаче в аренду городского места на Красной площади для постройки здания для жилья или промышленных заведений. На основании рассмотрения дела издается Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Тульскому Губернатору. В результативной части Указа сказано, что Правительст-

вующий Сенат определяет поручить Тульскому Губернскому по городским делам Присутствию вновь расследовать настоящее дело, проверив все доводы заявления просителя Шилова. Основанием для принятия такого решения явилось то, что Присутствие не в полной мере рассмотрело отдельные вопросы: во-первых — действительно ли предположенная Ефремовской Думой постройка изменяет городской план или стесняет проход, во-вторых — из дела не было видно, чтобы Присутствие само вошло в рассмотрение плана, а только ограничилось заключением, данным по сему вопросу Губернским Инженером.

Проверка законности выделения на Красной площади купцу Шилову земельного участка для постройки жилого здания и расследование дела по привлечению к уголовной ответственности Городского Головы и Членов Управы шла уже более 1,5 года. И в этом усматривалась определенная заинтересованность сторон конфликта для волокиты: отдельные чиновники во время проверок в заключительных документах не полностью отражали все факты рассматриваемого дела, что привело к назначению дополнительных расследований.

Устранение недостатков, указанных в Указе Правительствующего Сената от 5 июня 1885 года № 7317, было поручено Ефремовскому Полицейскому исправнику и Строительному отделению Губернского Правления. И 1 апреля 1886 года Тульскому Губернатору и. д. Губернского Инженера Гурьев направил заключение Строительного отделения Губернского Правления по делу о передаче Ефремовской Городской Управой в аренду городского места на Красной площади города Ефремов для постройки здания для жилья или промышленного заведения. Также были направлены материалы дознания, проведенного Губернским Инженером совместно с Ефремовским Уездным Исправником.

На основании вновь собранных документов 22 апреля 1886 года Тульским Губернским по городским делам Присутствием рассматривался вопрос о незаконной застройке Ефремовской Городской Думою Красной площади. Присутствие своим определением вновь признает незаконность передачи Ефремовской Городской Управой и Думой в аренду городского места на Красной площади города Ефремова. Также в данном определении повторно указывалось, что в отношении Городского Головы Шилова и Членов Управы Петрова и Куницына возбудить уголовное преследование по обвинению в превышении власти. Данное определение было направлено Ефремовскому Городскому Голове, Прокурору Тульского Окружного суда, Ефремовскому Полицейскому Управлению.

В рамках своей компетенции проводимого расследования дела по обвинению Ефремовского Городского Головы Шилова и членов управы Петрова и Куницына в превышении власти судебный следователь Тульского Окружного Суда 1-го участка Ефремовского 31 мая 1886 года запрашивал из Тульского Губернского по городским делам Присутствия документы:

1. План города Ефремова, представленный Ефремовской городской управой Г. Тульскому Губернатору 14 ноября 1884 года за № 956.

2. Высочайше утвержденный план города Ефремова, на который в своем определении 22 апреля о предании суду Шилова и других ссылается Губернское Присутствие.

3. Подлинное дознание и. д. Тульского Губернского инженера от 1-го апреля за № 5 с составленным им планом.

Жалобу Ефремовского Городского Головы Шилова с приложением постановления Тульского Губернского по городским делам Присутствия, состоявшегося 22 апреля 1886 года, об отмене постановления Ефремовской Городской Думы от 17 сентября 1884 года по делу об отдаче в аренду городского места на Красной площади, для постройки здания в июне 1886 года Тульский Губернатор направил в 1-й Департамент Правительствующего Сената.

Прошло несколько месяцев и Прокурор Московской судебной палаты 1 ноября 1886 года Тульскому Губернатору направляет заключение Товарища Прокурора судебной палаты Действительного Статского Советника Шадурского и следственное производство в 1 томе по делу Ефремовского Городского Головы Шилова и членов Управы Петрова и Куницына, обвиняемых в превышении власти, с приложением трех планов города Ефремова и одного номера Губернских Ведомостей.

Товарищ прокурора (*авт.* В 19 веке помощник или заместитель прокурора) по итогам расследования дела по обвинению Ефремовского Городского Головы Шилова и членов Управы Петрова и Куницына в превышении власти вынес заключение. В документе указано, что в ходе предварительного следствия были тщательно изучены: процесс получения в аренду земельного участка купцом Шиловым, различные планы города Ефремова, документы Ефремовской Городской Думы и Управы, Губернского Правления и другие. Также опрашивались старожилы города, подтверждавшие расположение построек на Красной площади в определенный промежуток времени.

В ходе предварительного следствия Ефремовский Городской Голова купец Михаил Шилов не признал себя виновным в предъявляемом ему преступлении. Он пояснял, что постановление Думы о передаче в аренду места на Красной площади было своевременно представлено на утверждение Губернатора наравне с другими разработанными в тот же день постановлениями, что особого утверждения по 122 ст. Городского Положения Управы не требовала, так как по плану, которому руководствовалась Управа, было видно, что место это и прежде было занято постройками, а ст. 122 Городского Положения требуется особо с утверждения Губернатора только в том случае, если участок отдается впервые под постройку. Таким образом, исполняя постановление Думы, Управа не имела в виду, что она действует, преждевременно превышая свою власть. В законности своих действий Управа была еще более убеждена тем, что постановление Думы было напечатано по распоряжению Губернатора в Губернских ведомостях. Печатание постановлений в ведомостях на практике считалось всегда утверждением документа. Если Губернатор не соглашался с каким-либо постановлением, то оно в Губернских Ведомостях не печаталось, и в то же время Губернатор извещал Голову о передаче этого постановления на обсуждение Губернского по городским делам Присутствия. Голова также ссылаясь на то, что в Управе имелся только один план города Ефремова, приложенный к делу, которым Управа и руководствовалась. Из этого плана не было видно, чтобы квартал, где разрешена постройка, был каменным и что план отличается от ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного плана, Управа никаких сведений не имела.

Допрошенные в качестве обвиняемых член Городской Управы купеческий брат Василий Петров и кандидат в члены Управы мещанин Роман Куницын виновными себя по делу также не признали, при чем первый из них дал объяснение, аналогичное с объяснениями Городского Головы Шилова, а последний пояснил, что лишь временно исполнял должность члена Управы и, будучи не знаком с требованиями закона о порядке сдачи городских земель, во всех распоряжениях Управы присоединялся к мнению более опытных Городского Головы и Секретаря Управы, которые удостоверяли его, что дело идет своим законным порядком.

По планам городской площади дал свое заключение эксперт частный землемер Андреев. При осмотре плана городской площади, Высочайше утвержденным, и планом, которым руководствовалась Управа, составленным Губернским Уездным землемерами Витовским и Васильевым, оказалось, что на Высочайше утвержденном плане дом Тимонича не обозначен, а на плане землемеров Витовского и Васильева дом и место Тимонича обозначены буквой Н и возведенное Шиловым строение находится в пределах квартала, начерченного сзади дома Тимонича, что, по мнению эксперта и удостоверяющего, на этом месте прежде или существовали какие-либо постройки, или был огороженный двор.

По факту застройки площади судебным следователем были опрошены местные старожилы-мещане. Иван Рязанов показал, что до пожара, бывшего в г. Ефремове в 1842 году, сзади дома Тимонича на том месте, где теперь стоит деревянный дом Шилова, был трактир, а между им и домом Тимонича был двор; Иван Усачев — что до пожара сзади дома Тимонича был двор и на этом дворе был трактир, бильярдная, которая углублялась во двор вдоль дома Тимонич и, надо думать, как раз занимала то место, где теперь дом Шилова; Илья Назаров — что до пожара сзади дома Тимонич на том месте, где теперь выстроен деревянный дом Шилова, находился крытый двор, принадлежащий к дому Тимонич; а Иван Тельнов и Никифор Васильев — что на том месте, где выстроен дом Шилова, до пожара никаких строений не было и самое место не было огорожено.

Товарищ прокурора Московской Судебной Палаты Шадурский свое заключение завершал следующим выводом: «Наконец по осмотру Губернских Ведомостей, журналов, переписки и входящего журнала оказалось, что предложение Тульского Губернатора Городскому Голове от 17 октября 1884 г. за № 2720 о доставлении сведений по содержанию прошения Тимонича было получено Городским Головою 20 октября, что в № 59 Тульских Губернских Ведомостей от 25 июля 1884 года в отделе городская хроника напечатаны все 13 постановлений Ефремовской Городской Думы, состоявшейся 6 июля, в том числе и постановление об отдаче в аренду городского места, что постановления Думы, состоявшиеся 30 октября 1881 г., 15 апреля 1882 года были напечатаны в Губернских Ведомостях не все, и что относительно некоторых из напечатанных постановлений Губернатор сообщил Городскому Голове, что таковыя переданы на обсуждение Губернского по городским делам Присутствия.

Приняв во внимание, что из плана, которым обыкновенно руководствовалась Управа, видно, что на месте, отданном под постройку купцу Шилову, прежде уже существовали какие-либо постройки или был огороженный двор, что в деле нет решительно никаких указаний на то, чтобы Управа имела сведения о неверности этого плана с ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным планом, что вследствие сего обвиняемые Шилов, Петров и Куницын, приводя в исполнение постановление Думы без особого требуемого 122 ст. Гор. Полож. утверждения Губернатора, могли быть убеждены в том, что место отдается под постройку не впервые и что помянутое утверждение не нужно, и, наконец, что напечатание постановления Думы в Губернских Ведомостях не могло не ввести в заблуждение обвиняемых в виду того, что по установившейся практике те постановления, с которыми не соглашался Губернатор, в ведомостях не печатались и я не нахожу оснований для обвинения Шилова, Петрова и Куницына в превышении власти, так как деяние, послужившее поводом к этому обвинению, было совершено ими не умышленно, а по одному лишь недоразумению, а потому полагал бы настоящее дело дальнейшим производством прекратить, освободив Шилова, Петрова и Куницына от обязательства не отлучаться из места жительства».

11 ноября 1886 года состоялось повторное рассмотрение дела Правительствующим Сенатом по жалобе Ефремовского Городского Головы на постановление Тульского Губернского по городским делам Присутствия об отмене определения Ефремовской Городской Думе об отдаче в аренду городского места на Красной площади для постройки здания для жилья или для промышленного заведения. Дело было представлено после проведения дополнительной проверки.

По итогам обсуждения материалов проверки был издан Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского № 13343. В Указе описывались неправомерные действия Ефремовского Городского Головы и Управы. Поэтому «по изложенным основаниям Правительствующий Сенат ОПРЕДЕЛЯЕТ: жалобу Ефремовскаго Городскаго Головы на постановление Тульскаго Губернскаго по городским делам Присутствия 22-го апреля 1886 года об отмене определения Ефремовской Городской Думы, состоявшегося 17 сентября 1884 г., коим утверждены произведенные

Городскою Управою торги на отдачу купцу Шилову в арендное содержание под застройку участка земли на Красной площади, как незаслуживающую уважения, оставить без последствий».

Из всего выше сказанного приходим к следующим выводам:

1. Земельный участок, сданный в аренду купцу Шилову для строительства жилого дома или промышленного заведения, был оформлен в нарушение существующего законодательства.

2. При оформлении земельного участка Городской Голова и Члены Управы не превышали свои полномочия и были освобождены от уголовного наказания.

3. На 1884—1886 годы в городе Ефремов существовала площадь с названием Красная площадь и находилась в пределах той же территории, которую она занимает в настоящее время.

Но остались без ответа несколько вопросов, которые возникли в ходе изучения итоговых документов изучаемого конфликта и так не были объяснены:

1. Чем руководствовался Городской Голова Шилов, утверждая документы на арендованный земельный участок своему брату купцу Шилову, зная, что 2 года ранее на этом участке уже запрещалось какое-либо строительство?

2. Почему ни один из органов, проводивших проверку по земельному участку, сданному в аренду купцу Шилову для строительства жилого дома или промышленного заведения, не вынес в адрес Губернатора какого-либо документа, осуществлявшего свою деятельность «по установившейся практике», а не по существовавшему законодательству?

На эти и другие вопросы сейчас мы вряд ли найдем ответы...

* * *

В материале автором использованы сведения Тульского Государственного архива.

Михаил Спивак
(г. Виннипег, Канада)

Член Союза журналистов России. Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Автор 4 книг прозы. Лауреат литературных премий им. Вениамина Блаженного (2015), им. Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), им. Григория Сковороды (2016), им. «Пантелеймона Кулиша» (2017), им. Абая (Казахстан, 2018). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни». Лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси-2018» (за военный роман «Дебошир»).

ПОЛЕЗНЫЕ ИДИОТЫ. КТО ТЕРМИН ПРИДУМАЛ?

В XX веке правительства западных стран боялись и ненавидели этих людей, клеймили их в прессе и арестовывали, а к XXI веку — разучились распознавать их в общей массе народа...

Но давайте по порядку. Начавшиеся в прошлом веке политические процессы породили одну любопытную группу людей, которая запомнилась в истории под обидным и нарицательным прозвищем — «полезные идиоты». Это выражение прочно вошло в политический сленг, как верх уничижительного, издевательского отношения. Впрочем, на заре своего создания термин широкого распространения не получил. Пользовались им, как правило, «посвященные в тему» товарищи.

Времена менялись. Некогда емкий по смысловой нагрузке термин в современности девальвировал до уровня уличной брани. Далеко не каждый вспомнит, кого изначально именовали «полезными идиотами», чем они были так опасны западу, и кто собственно придумал это хлесткое прозвище.

В современности «полезные идиоты» оказались незаслуженно забыты (не ругань, а понятие), поэтому предлагаю внимательней приглядеться к данному явлению. У него есть автор и красивая по своему абсолютному цинизму история... если к уродству вообще возможно применить определение красоты.

Итак, давайте разберемся вот с чем:

1. Кто и когда впервые заговорил о полезных идиотах.
2. Чтобы определить авторство, выясним, вышел ли данный термин после упоминания за рамки ругательства. Обрел ли, так сказать, содержательное наполнение и предметное указание. Стал ли описанием группы людей со свойственными только им характеристиками. Проще говоря, вот произносишь словосочетание «полезные идиоты» и больше добавлять ничего не нужно. Сразу понятно, о ком речь.

ПРАВИЛЬНО НАЗВАТЬ — ЗНАЧИТ ПРАВИЛЬНО ПОНЯТЬ

После государственного переворота в Российской империи осенью 1917 года и прихода к власти партии большевиков страны запада единодушно осудили сверже-

ние (как бы сказали сегодня) «конституционного строя». Большевики не скрывали своих намерений: продолжить экспансию за пределы России, уничтожить западные демократии и установить на их месте диктатуру пролетариата. Для этой цели в 1919 году в Москве создали Коммунистический Интернационал, который прикармливал и направлял в нужное ему русло европейских и американских коммунистов. Также коминтерновцы пытались обольстить и переманить на свою сторону западных социалистов.

Человек, живший в Советском Союзе, навряд ли почувствует разницу между коммунистами и социалистами. Однако на западе в XX веке между ними были принципиальные отличия.

Рассмотрим, как наглядный пример, Канаду. Формально социалистическое движение в ней зародилось в 1904 году. Мелкие и маргинальные по первости течения тихо, а потом громче заявляли свои требования. Переломным стал 1919 год, когда, как гром среди ясного неба, произошла всеобщая забастовка в городе Виннипеге. В ней участвовало 30 тысяч человек. Полиция жестко разогнала демонстрантов. Уточню: жестоко по канадским меркам. В этот момент в движении социалистов произошел раскол — отделилась группа экстремистов. Так образовалась Коммунистическая партия Канады, которая занималась конспирологией и подалась под крыло Коминтерна. Социалисты же усвоили урок, преподнесенный им полицией. Они забросили идею устраивать бунты: пошли в 1921 году на выборы и честно их выиграла по округам, на муниципальном уровне, и кто-то даже поднялся на провинциальный уровень. Социалисты не желали революции и, не дай бог, диктатуры пролетариата. Так постепенно они стали вполне приличными политиками. А коммунисты прятались в подполье, проповедовали идеи марксизма и перманентной революции. За свою кипучую деятельность многие из них со временем переселились на тюремные нары.

Чтобы не возникало путаницы: социалистами на западе называли социал-демократов. Их Коминтерн не любил и обклеивал всякими мелкобуржуазными эпитетами. В то же время, используя размытость понятий социализма и коммунизма, именно в среде западных левых большевики искали понимания и симпатии для лоббирования своих далеко не самых праведных интересов. Поклонников Советского Союза на западе подманивали красивыми лозунгами, цветастой пропагандой, и затем вслепую ничинно использовали. Их презирали и вполне заслуженно за глаза называли «полезными идиотами». С их одобрения или благожелательного умиротворения СССР готовил в странах запада государственные перевороты и захват. Любимой практикой большевиков была — получить призыв от «угнетенных трудящихся» и послать Красную Армию для оказания «братской помощи» (в более поздние годы оказывали «интернациональную помощь»). В Канаду отправить армию не представлялось возможным, поэтому из доступных инструментов оставались: попытки устроить политический раскол, дестабилизацию, создание агентурной сети и лоббирование просоветских интересов. Конечно, не только социалисты попадали под коварное обаяние большевиков. Но они (социалисты) оказались основной группой риска.

Обратите внимание на то, что коммунисты не входили в категорию полезных идиотов! Они прекрасно понимали, пусть и не в полной мере, замыслы коминтерновского руководства. Они выполняли заказ иностранного государства, фактически являясь его агентами.

КАК ГОВАРИВАЛ ИЛЬИЧ

Тут самое время воскликнуть: «С термином разобрались... А употребил его первым Ленин, да?!»

Не совсем. Возникает встречный вопрос: когда, при каких обстоятельствах Ильич упоминал полезных идиотов, и можно ли привести цитату полностью?

Ага, приплыли... Нет в трудах вождя пролетарской революции чего-нибудь, хоть близко напоминающего колкий эпитет. С другой стороны, может быть, Ленин высказался в устной форме, и кто-нибудь из его сподвижников цитирует главного большевика?

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Собственно, серьезный источник только один — это воспоминания Карела Радека:

«Существовало и много честных людей, которым просто претила сама мысль о войне, дикой и ужасной бойне и очевидно бессмысленной жестокости. Среди них, тех, кого Ленин назвал «полезными идиотами», и нашлось так много тех, кого можно было использовать».

Является ли это высказывание доказательством того, что Ленин действительно употребил словосочетание «полезные идиоты» в упомянутом выше контексте? Сильной стороной в пользу утверждений Радека следует назвать его личное знакомство с Лениным. Да, он мог беседовать с Ильичом и слышать, как тот называл каких-то «честных» людей едкими словечками. Но кто эти люди конкретно, откуда они, в чем именно заключается их идиотизм, как их использовать? Нет объяснений.

Главная проблема в словах Радека в том, что он не цитирует Ленина и не указывает обстоятельства, при которых фраза была произнесена. Ильич вообще не стеснялся в выражениях. Кого он только ни крыл распоследними словами, и соратников в том числе. Поэтому к вышеуказанной фразе Радека следует относиться с изрядной долей скептицизма.

Совсем слабо для поиска первоисточника выглядит пересказ Юрия Анненкова слов Ленина:

«Культурные слои Западной Европы и Америки не способны разбираться в современном положении вещей ... эти слои следует считать за глухонемых и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения».

Что эта фраза доказывает или опровергает? Не пытаясь умалить адресованности данного высказывания, замечу, что к рассматриваемому термину об идиотах оно отношения не имеет.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Как ни странно, но западные исследователи подошли к вопросу поиска «полезных идиотов» гораздо более системно и обстоятельно, что отчасти сыграло с ними (исследователями) злую шутку.

Первое упоминание термина обнаружилось в 1804 году в высказывании Генриха Чокке, немецкого и швейцарского писателя, журналиста, чиновника: «Каждый, кто жертвует собой ради нарцисса, называется полезным идиотом».

Другой случай упоминания: 10 июня 1864 года в газете *The Saturday Review* — какой-то политик высмеял избирателя, «одного из тех полезных идиотов», которые резко выступают против правительства.

Абсолютно очевидно из вышеуказанных высказываний, что имела место банальная издевка, не выходящая за рамки площадной ругани. Хоть и облаченная в изысканно-письменную форму.

В этом и заключается злая шутка. Западные авторы не нашли содержательной части понятия «полезные идиоты», а уловили только отзвук.

Далее поиски, как русскоязычных, так и западных исследователей, переносят нас в 1950-е и более поздние годы. Но высказывание и его смысловое наполнение зародились гораздо раньше.

АВТОРА НА СЦЕНУ!

Как было сказано выше, начинка термина появилась не во второй половине XX века, а в начале 1920-х годов.

Слово Борису Бажанову, секретарю Политбюро и личному помощнику товарища Сталина. Бажанов присутствовал на заседаниях Политбюро и вел записи. Бажанов конспектировал все сказанное высшим руководством Советского Союза с 1923 по 1926 годы. До конца 1927 года он занимал другие высокие должности в государстве. В 1928 году Борис Бажанов через Иран перебежал на запад — во Францию, где в 1930 году написал мемуары. Книга так и называется «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

Вот отрывок из Главы № 7; отрывок длинный, но он стоит того, чтобы привести его без сокращений:

«Итак, обсуждаются вопросы внешней политики ... "Я предлагаю,— говорит Литвинов,— признать царские долги". Я смотрю на него не без удивления. Ленин и советское правительство десятки раз провозглашали, что одно из главных завоеваний революции — отказ от уплаты иностранных долгов, сделанных Россией при царской власти. Кто-то из членов Политбюро попроще, кажется, Михалваныч Калинин, спрашивает: "Какие долги, довоенные или военные?" — "И те, и другие", — небрежно бросает Литвинов. "А откуда же мы возьмем средства, чтобы их заплатить?" Лицо у Литвинова наглое и полупрезрительное, папироса висит в углу рта. "А кто же вам говорит, что мы их будем платить? Я говорю — не платить, а признать". Михалваныч не сдаётся: "Но признать — это значит признать, что должны, и тем самым обещать уплатить". У Литвинова вид даже утомленный — как таких простых вещей не понимают: "Да нет же, ни о какой уплате нет речи". Тут делом начинает интересоваться Каменев: "А как сделать, чтобы признать, не заплатить и лицо не потерять?" (Каменев, надо ему отдать справедливость, еще беспокоится о лице.) "Да ничего же не может быть проще,— объясняет Литвинов.— Мы объявляем на весь мир, что признаем царские долги. Ну, там всякие благонамеренные идиоты сейчас же подымут шум, что большевики меняются, что мы становимся государством, как всякое другое, и так далее. Мы извлекаем из этого всю возможную пользу. Затем в партийном порядке даем на места секретную директиву: образовать всюду общества жертв иностранной интервенции, которые бы собирали претензии пострадавших; вы же хорошо понимаете, что если мы дадим соответствующий циркуляр по партийной линии, то соберем заявления "пострадавших" на любую сумму; ну, мы будем скромными и соберем их на сумму, немного превышающую царские долги. И, когда начнутся переговоры об уплате, мы предъявим наши контрпретензии, которые полностью покроют наши долги, и еще будем требовать, чтобы нам уплатили излишек". Проект серьезно обсуждается. Главное затруднение — слишком свежи в памяти ленинские триумфальные заявления об отказе от уплаты царских долгов. Опасаются, что это внесет сумбур в идеи братских компартий за границей. Каменев даже вскользь замечает: "Это то, что Керзон называет большевистскими обезьяньими штучками". Пока решено от предложенного Литвиновым воздержаться».

По всему выходит, будущий нарком иностранных дел первым отвесил звонкую оплеуху западному прогрессивному человечеству.

РЕЗЮМИРУЕМ

Максим Максимович Литвинов, в 1920-х годах заместитель Народного комиссара по иностранным делам СССР товарища Г.В. Чичерина (на современный лад — замминистра иностранных дел).

Вероятно, в большевистской России и последующем СССР понятие «полезные

идиоты» существовало в устной форме и до высказывания Литвинова. Может быть, Ленин что-то подобное говорил или кто-то из его соратников. Проверить это не представляется возможным. Факт в том, что слова именно Литвинова оказались записаны и вошли в историю, поэтому его и следует признать автором «патента на изобретение».

Как видим из приведенного отрывка, Литвинов довольно недвусмысленно обозначает тех, кому клеит ярлык — это люди из стран Запада, которые наивно симпатизируют Советскому Союзу. В те годы СССР являлся врагом западных демократий, но «полезные» люди этого не понимали. Они стали во многом рычагом воздействия на политику своих правительств и ослабили Запад.

Пусть не введет в заблуждение слово «благонамеренные». Из контекста абсолютно ясно читается про «всевозможную пользу», которую предстоит извлечь из доверчивых болванов-идеалистов. Их Литвинов совершенно заслуженно величает «полезными идиотами». Разве Максим Максимыч не прав?!

В заключение можно добавить, что по прошествии сотни лет ничего не изменилось. Советский Союз давно канул в Лету, но подросли другие радикальные течения, которые нацелены обратить весь мир в свою веру, в свою идеологию, навязать свои жизненные порядки. Им снова рукоплещут благодушные идеалисты.

Время не учит. Как сказано у Екклесиаста: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы.

**ВОСКРЕСИТЬ ИСТИННОГО ЧЕЛОВЕКА:
ПРОЩАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАЯЧИЙ РЕМИЗ»
(к 125 годовщине памяти писателя)**

Повесть Николая Семеновича Лескова (1831—1895) «Заячий ремиз» (1894) — одно из наиболее загадочных, зашифрованных произведений русской классической литературы. «В повести есть "деликатная материя",— писал Лесков,— но все, что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колорит малороссийский и сумасшедший»¹.

Это последнее лесковское творение осталось при жизни писателя не изданным. В феврале 1895 г. (за несколько дней до кончины Лескова) М. М. Стасюлевич — редактор журнала «Вестник Европы»,— убоявшись цензуры, отказался печатать повесть, извиняясь перед автором его же остроумной шуткой, позаимствованной из «Заячьего ремиза»: «можно очень самому обремизиться <...> подвергнуться участи "разгневанного налива" <...> и непременно попадете в архиерейскую уху»².

«*Лебединая песнь*» писателя вылилась под его пером в вековую мечту русского национального сознания о чудесной *жар-птице*. В фольклоре эта сказочная птица олицетворяет волшебное заступничество. В повести Лескова мифопоэтический образ жар-птицы представлен в новом — христианском — контексте понимания и является выражением авторской ценностно-мировоззренческой позиции.

Повесть по-прежнему притягивает внимание, завораживает религиозно-нравственной и философской глубиной. Лесковский текст, основанный на Евангелии, открывает перед читателями все новые и новые возможности для интерпретации и творчества. О новозаветной неисчерпаемости глубоко писал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), называвший Лескова в ряду первых классиков, чей «чистый разум» повенчан «с глубиной сердца <...> единством воли и откровений»: «Евангелие не есть только идеальная истина для всякого мира, но и личное, всякий раз неповторимое слово, письмо Бога Живого всякому человеку в мире,— письмо, прочитываемое человеком лишь в меру его духовного сознания»³.

«Заячий ремиз» впервые был издан в 1917 году — «в эти абсолютно нелитературные времена». Д. Философов сравнил выход повести в предисловии к ней с «белоснежным пшеничным хлебом русской литературы», который получили голодные физически и духовно читатели; «загробный голос Лескова прозвучал со страниц "Нивы" как призывный колокол»⁴.

Важен также первый отклик А. Измайлова: «"Заячий ремиз" — одно из самых

больных мест старика Лескова. Написал он его любовно, с огромным захватом, с великолепною своею сочностью <...> Идилличность тона и — рядом — сколько выстраданной злобы Лескова на ложное знание, которое никому не нужно, на старый подлейший режим, когда готовы были упечь учительницу в каталажку за цитаты из Евангелия; на добровольных присяжных сыщиков, готовых продать мир за орден, падающий на перси»⁵.

Смысл заглавия повести, которое самому автору казалось «то резким, то как будто малопонятным», Лесков в письме к редактору «Вестника Европы» объяснил следующим образом: «"Заячий ремиз", то есть юродство, в которое садятся "зайцы, им же бе камень прибежище"» (XI, 606). К разгадке таинственного названия, возможно, приближают строки письма Лескова к его приемному сыну Б. М. Бубнову <середина сентября 1891 г.>: «<...> "мнимый покой". Заяца обманчивый сон!..» Именно все это "заячий сон", с одним закрытым глазом и хлопающими ушами от страха утратить все, чем владеешь» (IX, 501).

Писатель обращается здесь к фольклорно-мифологической образности: к распространенному представлению о том, что заяц имеет настолько чуткий сон, что спит с открытыми глазами. «Заячий сон» становится воплощением страха и трусости. Кроме того, заячья боязливость объясняется поверьем о том, что у зайца маленькое сердце: «Бог вылепил ему слишком длинные уши, а на сердце глины не хватило»⁶.

Далее в том же письме Лесков развивает мифологический образ «заячьего сердца» в ключе христианской антропологии: созданный «по образу и подобию», человек призван преодолеть в себе животное начало, укрепиться духовно, не роняя в себе «образ Божий», который есть не только *дар*, но и *задание* человеку: «Кажки нам, что есть крепкого, — за что можно удержаться, не делаясь жертвой случайностей и чужих прихотей, часто как раз рассчитанных на то, чтобы понизить в тебе "Сына человеческого", которого ты обязан "вознести", и других к тому же склонить, и убедить, и "укрепить слабеющие руки"» (IX, 501). Думается, что письмо это, написанное по иному поводу, глубоко иллюстрирует концепцию «Заячьего ремиза».

Сатирическая сторона произведения: когда герою только и остается, что «скрыться» в своем частном сумасшествии от всеобщей невменяемости и безумия общественного устройства, — а также все, что ведет к расчеловечиванию, «оболваниванию» Оноприя Перегуда, достаточно глубоко изучены. Важнее сосредоточить основное внимание на противоположном направленном изменении «натуры» героя: на пути его возвращения от «оболванивания» к «истинному человеку», то есть божественному началу, внутреннему свету, скрытому тенью «телесного болвана», «пониженному», «жесточайше уменьшеченному» (IX, 502). Однако в герое живо сознание необходимости отыскать и «вознести» «невидимую и присносущную силу и Божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зеркаловидные тени» (IX, 501).

Не только эпиграф, взятый из «Диалога, или разглагола о древнем мире» Григория Сковороды (1722—1794), но и другие христианские идеи этого украинского философа художественно воплотил Лесков в своей повести. Основная из них: «надо идти и тащить вперед своего "телесного болвана"» (IX, 589), — то есть не позволять телесному, материальному, животному началу взять верх над «истинным» — духовным — человеком.

Получив чин в социальной иерархии чинов, будучи направлен в родное украинское село Перегуды в качестве станового пристава, Оноприй Перегуд поначалу пытался в своей полицейской практике выявить истину «по облегченному способу» — при помощи тетрадки «Чин во явление истины», рекомендованной для допросов подозреваемых и составленной таким образом, чтобы даже невинный при таком допросе внутренне устрасался и был «готов сказать: "Виноват"» (IX, 536).

Перегуд фактически занимает ту должность, которая требует вершить «суд правый», однако, будучи сам безмерно далек от уразумения истины, он пользуется не-

правыми полицейскими уловками, юридической казуистикой: «Вот эта — пожалуйста — вам юрисдика!» (IX, 537). Такая «юрисдика» еще более усугубляет всеобщую несправедливость и отдаляет от познания истины. «Болван» Перегуд принимает непосредственное участие в процессе «оболванивания» социально-нравственных основ жизни. При этом совесть его не мучит, он считает себя образцовым блюстителем порядка и являет образчик внутреннего и внешнего самодовольства. Статный, дородный становой самолюбиво восклицает: «Процвете моя плоть, а нечестивый погибнет!» (IX, 536).

Лишь к финалу повествования герой осознал, что истина является не по официальному прописному «чину» и не в тот момент, когда кто-то немедленно захотел ее открыть. Истина без всяких «чинов» приходит всегда в свое время, и Перегуду она приоткрывается как раз тогда, когда он все свои чины потерял, очутившись в сумасшедшем доме.

Однако если в начале своей государственной службы Перегуд еще имел человеческий облик хотя бы внешне: «был в процветении румяный и полный» (IX, 536), — то, поддавшись искушению службистского честолюбия, окончательно этот облик утратил, превратившись внешне и внутренне в чудовище почти inferнального плана.

Заразившись хронической «инфекцией» государственной политики — «ловитвой потрясателей основ», что «троны шатают», — Оноприй Перегуд перерождается: внутренняя метаморфоза отражается и на внешнем уровне (не раз проходит мотив зеркального отражения — «зерцаловидной тени», — заявленный в философском эпиграфе): «у меня вид в лице моем переменился <...> и стали у меня, як у тых, очи як свечи потухлы, а зубы обнаженны... Тпфу, какое препоганьство!» (IX, 546).

Перегуд, ужаснувшийся своему отражению, видит в зеркале именно то, о чем предупреждал когда-то его родителей, решающих судьбу сына, умница-архиерей. Это образ колоритный, привлекательный, симпатичный и близкий самому Лескову: «Быв по натуре своей одновременно богослов и реалист, архиерей созерцаний не обожал <...>, а всегда охотно зворачал с философского спора на существенные надобности» (IX, 521). Священник наставляет: «Еще что за удовольствие определять сына в ловитчики! <...> "Се стражи адовные, стоящие яко аспиды: очеса их яко свечи потухлы и зубы обнаженны"» (IX, 522). Жуткий образ «адова стража» из библейской Книги Еноха настойчиво повторяется на протяжении всей истории маниакальной одержимости героя подозрительностью, шпионством, доносами, погонями за мнимыми «сицилистами» и «потрясателями основ».

Важно отметить, что портретная деталь «зубы обнаженны» не только атрибут библейского чудовища-аспида — «адова стража», но и зоологическая черта животного облика зайца. В поверьях распространены представления о зайце как существе опасном и связанном с нечистой силой. Перебежавший дорогу заяц сулит несчастье. Известны также былички о зайце-оборотне, наделенном демоническими свойствами, который «бросается под ноги, заманивает в чашу, преследует человека или исчезает в вихре, с шумом, хохотом или зловонием»⁷. Именно таков Перегуд в его погоне за «потрясателями».

Так подтекст повести не только снова отсылает к ее названию, но и выполняет функцию трансформации фольклорных и христианских мотивов в идейно-художественной структуре повествования.

С христианской темой непосредственно связан эстетический аспект. В контексте выраженных в «Заячьем ремизе» представлений о прекрасном и безобразном важно подчеркнуть мысль В. И. Ильина, высказанную в его статье о Лескове: «Бог — источник прекрасных форм; быть безбожным — это не только значит быть безобразным, это значит умножать вокруг себя безобразия»⁸.

Перегуд в прямом смысле лишается своей человеческой сущности, окончательно сходит с ума, когда выясняется, что «дерзновеннейший потрясатель» — его собст-

венный кучер-орловец Теренька. «О, Боже мій милій! А кто же был я? Вот только это и есть неизвестно» (IX, 581),— горестно сетует потерявший свою личность герой повести.

Свет истины потух для него. Неслучайно настойчиво повторяется портретная деталь — реалистическая и метафорическая одновременно: очи, «яко свещи потухлы». «Светильник для тела есть око,— наставляет Христос в Нагорной проповеди.— Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно» (Мф. 6: 22 — 23).

Перегуд-становой, погружившийся во тьму духовную, безмерно далек от того мальчика — церковного певчего, посвященного в стихари,— каким он был, когда «перед всеми посередь дни свечою стоял и светил» (IX, 523). Теперь он утрачивает божественный свет «истинного человека», окончательно превращаясь в телесного «болвана», темную «зерцаловидную» тень.

В эпизоде с молодой учительницей — «подозрительной» Юлией Семеновной («коса ей урезана, и в очках, а научена на все познания в Петербургской педагогии» (IX, 551)) — Перегуд, дабы разузнать, что скрывают темные очки, просит позволения посмотреть в ее «окуляры» и ведет себя почти как в крыловской басне «Мартышка и очки». В подтексте произведения возникает новое зоологическое уподобление — с гримасничающей обезьяной.

Перегуд начисто лишается своего прежнего духовного опыта, забывает Священное Писание, которому был учен у архиерея, и попадает в преглупейшее положение, когда пытается «вывести на чистую воду» стриженую, в «окулярах» Юлию Семеновну, заставляя девушку написать о том, что она думает о богатстве и бедности. Ее записи, не узнав в них текстов Нового Завета: «забота века сего и обольщение богатства заглушают Слово, и оно бывает бесплодно» (Мф. 13: 22); «Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды?» (Иак. 2: 6) — становой отсылает начальству как донос.

«Вот наинесчастнейший человек, который охотился за чужими "волосами", а явился сам острижен. Какое смешное и жалкое состояние, и сколь подло то, что их до этого доводят» (IX, 582),— таково резюме автора.

Уже будучи в сумасшедшем доме, Перегуд верно трактует свое прежнее безумие, объясняя его причины «гордыней», «ненасытной жаждой славы» и «безмернейшим честолюбием» (IX, 543). Другими словами — «он впал в искушение» (IX, 538), забыв слова молитвы Христовой: «*И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого*».

Показатель духовного выздоровления — освобождение героя из сетей «бесовского наущения» (лова «потрясателя»), он сам был пойман и запутан в «сети», подобно приснопамятному «огорченному налиму») — следующая самооценка Перегуда: «когда я <...> вспоминаю об этих безумных мечтах моих, то не поверите, а мне делается ужасно!» (IX, 543). Импульс к освобождению из ужасающих бесовских сетей способствует торжеству истинного человека.

«Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится» (IX, 585),— этим замечанием философа Григория Сковороды проясняется процесс, происходящий в герое: пусть он уже не годится для прежней «социабельной» жизни, зато в духе его «поднимается лучшее» (IX, 585). В доме для умалишенных на грани безумия и мудрости Перегуд, наконец, начинает путь приближения к истине. Теперь он избавился от цивилизации, от общественной жизни, в которой все было скрыто мраком, перемешано (точнее — *помешано*). Герой постигает добро и зло в чистом виде. У него «вырастают крылья», и по ночам он «улетает отсюда "в болото" и там высидивает среди кочек цаплины яйца, из которых непременно должны выйти жар-птицы» (IX, 588).

Эпизод на «болоте» не поддается однозначным и прямолинейным истолкованиям. Неслучайно Лесков, предлагая «Заячий ремиз» для публикации в журнале «Русская мысль», предупреждал о том, что в повести все «тщательно маскировано» (XI, 599).

Следует иметь в виду, что писатель и его герой великолепно знают фольклор, окружены им как элементом духовной и бытовой атмосферы. «В устных преданиях, — отмечал Лесков, — <...> всегда сильно и ярко обозначается настроение умов, вкусов и фантазии людей данного времени и данной местности», «в младенческой наивности» есть «оригинальность и пронизательность народного ума и чуткость чувства»⁹.

На первый взгляд, было бы достаточно простого указания на праслову фольклорного образа и связанных с ним мотивов. Однако в повести Лескова имеет место процесс творческого усвоения и созидательной переработки фольклорного материала в свете религиозно-нравственных представлений писателя.

Мифопоэтическая парадигма образа жар-птицы включает в себя целый комплекс семантических и художественных мотивировок. Устойчивая роль жар-птицы в славянском фольклоре — служить чудесной помощницей, доброй волшебной силой, побеждающей потусторонние силы противников рода человеческого, разрушающей враждебное человеку пространство. В эстетике чудесного золотой окрас оперения жар-птицы — величина постоянная — и это не только синоним огненности. Этот неперменный атрибут связан с тем, что «птица прилетает из другого, («тридесятого царства»), откуда происходит все, что окрашено в золотой цвет»¹⁰. Это «золотое», «иное царство» в народном сознании, помимо чудесного, имеет также социально-бытовое наполнение: символизирует безбедную жизнь, материальный достаток. Именно из золотых чертогов происходят «свинка — золотая щетинка, утка — золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь»¹¹. В сказках «золото фигурирует так часто, так ярко, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать это тридесятое царство золотым царством»¹², — указывал В. Я. Пропп.

В мифологическом ракурсе золотой цвет соотносится с солнечным светом, постулируется связь «иног царства, небывалого государства» с небесной сферой. Жар-птица — небожительница. Ослепительное сияние, исходящее от каждого ее пера, наполняет жизнь человека ярким светом, прогоняет тьму, всегда сопряженную в народном представлении с нечистой силой. Золотое светоносное оперение небесной обитательницы «золотого царства» в христианском контексте может быть соотнесено с евангельским откровением о «золотом граде» Небесном Иерусалиме, уготованном для праведных, в котором «*отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет*» (Откровение. 21: 4). Символично, что «*ночи там не будет*»; «*спасенные народы будут ходить во свете Его*» (Откровение. 21: 24, 25).

Так фольклорный образ представлен в более многообразном переплетении с нефольклорным материалом, допускает возможности лирико-смыслового «сцепления» с христианским контекстом. Жар-птица символизирует божественный свет, вознесение к небу. «Жар» не только золотое сияние и свечение, но и жар неостывшего сердца — этого центра в православной антропологии, куда сведены все помыслы и чувства человека, устремленного к чуду, к Богу. Неслучайно поэтому в «Заячьем ремизе» настойчиво проявляется мечта о жар-птице как о чем-то недостижимо прекрасном. И если в сказке этот образ — плод народной фантазии и вымысла, то в повести Лескова он связан с глубокой верой героя. Сама возможность чуда сомнению не подвергается. Фольклорные образы переосмыслены и христиански актуализированы писателем.

Существуют инварианты русской сказки о поисках жар-птицы. В лесковской повести представлен новый оригинальный вариант. Герой стремится обрести жар-птицу, пытаясь высидеть на болоте цаплины яйца. Каким бы безумным ни показалось, на первый взгляд, это действие, все же оно имеет под собой реальную почву — фольклорно-этнографическую основу. В. И. Даль упоминал о народном обычае раздавать «самосидные яйца»: «Самосидные яйца раздаются по паре во все крестьянские двory, и бабы обязаны высидеть и представить за них цыплят»¹³.

Лесков представляет собственную модификацию этнографического источника. В

числе первых, кто высиживает цаплины яйца, учительница Юлия Семеновна: это и женское ее призвание — дать жизнь новому существу, и убежденность в необходимости зарождения совершенных форм жизни. Прекрасная жар-птица должна явиться как духовное и эстетическое откровение «золотого Небесного града», стать посредницей между землей и небом, совместить разные пространственно-временные пласты реального и идеального миров.

Юлия Семеновна и Оноприй Перегуд не одиноки: «там нас много знакомых,— сообщает герой,— и все стараются вывести жар-птицы, только пока еще не выходят» (IX, 588). «Не выходят» потому, что герои в своем «мудром безумии» упускают из виду важнейшее, недалековидно полагаая, что из смрадного темного болота — то есть мира грешного, населенного людьми животного плана, духовно неразвитыми телесными «болванами» — сможет родиться иная реальность — жар-птица — знак райского сада, золотой чудо-страны, светоносного Небесного града. Этого произойти не может ввиду того, что желающие обрести жар-птицу не Творцы и даже не праведники. Они одержимы гордыней — «матерью всех грехов» в православной аскетике. Слово 23 «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника направлено против «безумной гордости»: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хуль»¹⁴.

От той же гордыни — стремление высидеть жар-птицу из яиц цапли. Тем более — что эта птица в специальном зоологическом труде «Жизнь животных по А. Э. Брему» характеризуется как «злая и жадная»¹⁵, памятливая на обиду; яйца ее только и можно отыскать на болоте.

Истина открывается Перегуду: жар-птицы не появляются «потому, что в нас много гордости» (IX, 588). Духовное прозрение ведет героя далее — к евангельской правде о том, что из несовершенного, греховного не может зародиться нечто совершенное. Люди пока бесконечно далеки от обожения, от заповеди Христовой: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5: 48). Но по гордыне своей многие мнят себя будущими творцами чудесных «жар-птиц». Однако «высидеть», духовно переродить «цаплины яйца» в «жар-птиц» одному человеку без Божьей помощи не под силу.

В повести несколько раз цитируется древнеримский поэт Овидий, запрещавший людям «"пожирать своих кормильцев", а люди не слышат и не видят» (IX, 590). В обществе все «пожирают» друг друга, также и «цаплиным яйцом», в котором уже материализовано начало жизни, человек хочет просто воспользоваться для пропитания своего «телесного болвана», а не «высиживать» нечто духовно высшее: «Жар-птица не зачинается, когда все сами хотят цаплины яйца съесть» (IX, 589).

Перегуд видит «цивилизацию» в сатанинском коловращении «игры с болванами», социальными ролями, масками: «Для чего все очами бочут, а устами гогочут, и меняются, як луна, и беспокоятся, як сатана?» (IX, 589). Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана отразился в Перегудовой «грамматике», которая только внешне кажется бредом сумасшедшего: «я хожу по коври, и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врешь, и он ходит, пока врет, и мы ходим, пока врем, и они ходят, пока врут... Пожалей всех, Господи, пожалей!» (IX, 589).

Здесь звучит прямое обращение к Богу — *молитва за всех*, характерная для многих художественных творений Лескова («Запечатленный Ангел», «Очарованный странник», «На краю света» и др.). Писатель-христианин считает, что все достойны Божьей милости и жалости: одни страдают от сознания своей греховности; другие тоже по-своему страдают, потому что не ведают о собственном несовершенстве.

Приобщившись к этой истине, Перегуд «победил смерть» духовно. *«Посему мы не унываем,— говорит апостол Павел,— но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2-е Коринф. 4: 16). Этот евангельский текст проливает свет на «загадку» прощальной повести Лескова.

Картина Апокалипсиса: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение» (Откровение. 8: 5) — развернута в эпилоге «Заячьего ремиза» в сцене грозовой «воробьиной ночи».

Согласно народным поверьям, «воробьиная ночь» с сильной грозой и зарницами — время разгула нечистой силы. Это природное явление осмыслялось в мифологическом сознании также и как время, когда удары грома и блеск молнии уничтожают нечистую силу¹⁶. Под пером Лескова эта картина выливается в христианско-философское обобщение, обретает поистине универсальный, космический масштаб «небесной битвы» между добром и злом.

Громчайшие литеры «Глаголь» и «Добро», вырезанные Перегудом, осветились «страшным великолепием» грозы и отразились повсюду — «овамо и семо». Две эти отдельно начертанные буквы сливаются в повелительный призыв: «Глаголь добро», то есть «Возвещай добро». Тем самым одновременно выражено требование неустанной борьбы со злом.

Так в последнем произведении «мастера» метафорически исполняется мечта самого Лескова — писателя-проповедника добра и истины, преследуемого цензурой: настоящее изобретение не печатный станок Гуттенберга, ибо он «не может бороться с запрещениями», а то, «которому ничто не может помешать светить на весь мир <...> Он все напечатает прямо по небу» (IX, 590), на котором мечутся птицы в «воробьиною ночь».

Образы птиц связаны не только с представлением о небесной сфере и далеком пространстве. Одновременно в народном сознании они символизируют души умерших. Атрибутика смерти постепенно нарастает к финалу повествования. Но без смерти не бывает и воскресения.

Оноприй Перегуд, «в мудром безумии которого есть и поучение, и завещание, и пророчество о временах грядущих»¹⁷, постигнув истину, уже не может оставаться на грешной земле, он покидает земную юдоль — тут же совершает переход «в шатры Симовы», в «иное царство» — «Небесный град», царство Истины. Он переходит в иное качество, иное — духовное — измерение.

В прощальной своей повести Лесков на новом духовном и эстетическом уровне подвел итоги темам и проблемам, которые он разрабатывал на протяжении всего писательского пути. Духовное прозрение героя «Заячьего ремиза» знаменует и обостренную духовную зоркость самого автора в финале его творчества. Так, Лесков переосмысливает некоторые свои религиозно-нравственные представления: в частности, убеждение в том, что дело «честного писателя — служить тому, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее и все совершеннее»¹⁸. Царство Божие невозможно на земле, ибо, как сказано в Евангелии: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36).

Важная цель позднего творчества Лескова — подготовка человека к выходу в другую жизнь. «Все чувствую, как будто ухожу...» — говорил писатель в одном из поздних писем¹⁹. Происходит «раскрытие сердца, просветление духа, отверзание разумения»²⁰. Со смертью героя не заканчивается жизнь, он «растворен уже в других и в мире, а смерть-успение совершает свой вечный виток как смерть перед воскресением, уход перед возвращением, отчетливо смыкая конец с назревающим началом»²¹, — так поясняется семантика мотива «ухода». Поистине: *«Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное»* (Екклесиаст. 3: 1, 2).

Так завершается «томление духа» и происходит его освобождение. Свершается паломничество человека к своему священному предназначению: «Им же образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя ко Богу крепкому, Богу, благодетельному мне» (VIII, 91),— Псалтырь по усопшему в лесковском «*рассказе к стати*» «Интересные мужчины» (1885) мог бы увенчать последнее земное творение писателя — итог его религиозно-нравственных раздумий протяженностью в жизнь.

Незадолго перед тем, как самому оставить надетую на него на земле, как говорил Лесков, «кожаную ризу», писатель размышлял о «*высокой правде*» Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем»²². Ностальгия по «миру духовному» внушала Лескову веру в бессмертие души. Он приводил евангельский эпизод воскрешения Христом дочери Иаира: когда шли к дому, встречный проговорил, что она уже умерла, но «Иисус, услышав это, сказал ему: *"Не бойся, только веруй, и спасена будет"*» (Лк. 8: 50).

Примечания:

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: Гослитиздат, 1956 — 1958.— Т. XI.— С. 599 — 600. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Цит. по: Лесков Н.С. Собр. соч.: В 3-х т.— М.: Худож. лит., 1988. Т. 3.— С. 646.
3. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное.— Петрозаводск: Святой остров, 1992.— С. 493.
4. Философов Д. Пшеничный хлеб // Нива.— 1917.— № № 41— 43.— 28 октября.
5. Измайлов А. <Отзыв о повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз»> // Петроградский листок.— 1917.— 8 октября.
6. Славянская мифология: Энциклопедический словарь.— М.: Эллис Лак, 1995.— С. 192.
7. Там же.— С. 191.
8. Ильин В. И. Стилизация и стиль. Н. С. Лесков // Эссе о русской культуре.— СПб.: Акрополь, 1997.— С. 147.
9. Русские писатели о литературном труде: В 4-х т.— Л., 1955.— Т. 3.— С. 210 — 211.
10. Славянская мифология: Энциклопедический словарь.— М.: Эллис Лак, 1995.— С. 180.
11. См.: Афанасьев А. Н. Русские народные сказки.— М., 1938.— Т. 2.— С. 59—64.
12. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки.— Л.: ЛГУ, 1946.— С. 264.
13. Цит. по: Русская литература и фольклор (первая половина XIX века).— Л.: Наука, 1976.— С. 350—351.
14. Иоанн Лествичник. Лествица.— СПб.: Фонд «Благовест», 1996.— С. 156.
15. Цит. по: Аникин В. П. Русская народная сказка.— М.: Просвещение, 1977.— С. 74.
16. См.: Славянская мифология: Энциклопедический словарь.— М.: Эллис Лак, 1995.— С. 115.
17. Афонин Л. Н. Слово о Лескове // Творчество Н.С. Лескова: Науч. труды.— Т. 76 (169).— Курск: КГПИ, 1977.— С. 7.
18. Лесков Н. С. <Заметка о литературе>. Публикация А. Романенко // В мире Лескова.— М.: Сов. писатель, 1983.— С. 365.
19. Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т.— М.: Худож. лит., 1984.— Т. 2.— С. 468.
20. Там же.
21. Макарова Е. А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н. С. Лескова: Автореф. ... канд. филол. наук.— Томск, 1992.— С. 20.
22. Цит. по: Лесков А. Н.— Указ. соч.— Т. 2.— С. 467.

Дмитрий Епифоров
Елена Насонова
(г. Ефремов)

ПЕРЕКРЕСТКИ ЖИЗНИ
А. С. ПУШКИН
И А. И. ЛЕВШИН

Епифоров Дмитрий Александрович — учится в 11 классе в г. Ефремове. Увлекается литературным краеведением. В 2018 г. стал победителем Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ «Литературная Россия». Участвовал в подготовке отдельных материалов для книги «Ефремовская энциклопедия» (Тула: Неография, 2018). В 2018 г. — участник Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева (работа: «И. С. Тургенев и Ефремовский край»; статья вошла в сборник «Тургеневские чтения». Тула: Аквариус, 2018). За активную работу по популяризации истории и достопримечательностей Красивомечья награжден грамотами Фонда поддержки земляков «Тульский край», комитета по образованию администрации муниципального образования города Ефремова.

Насонова Елена Сергеевна — из Ефремова. В 1995 г. окончила Елецкий государственный педагогический институт. Работает учителем начальных классов. Активно занимается изучением и сохранением культурных традиций Красивомечья. Награждена Почетной грамотой Министерства образования Тульской области.

Со смертью — не все кончается.
Секст Проперций

В биографии Александра Сергеевича Пушкина, его переписке и произведениях мы не раз встречаем упоминание об его одесском знакомом и сослуживце Алексее Ираклиевиче Левшине, литераторе, ученом и выдающемся государственном деятеле. Что же связывает Левшина и Пушкина?

ПРЕДЫСТОРИЯ

А. И. Левшин. Литография первой трети XIX в.

Алексей Ираклиевич Левшин — выходец из старинного дворянского рода, известного в России еще с XIV века. Он родился 26 августа 1798 года в родовом имении Левшиных селе Пожилино Ефремовского уезда Тульской губернии. С отличием окончил Воронежскую гимназию (в 1814) и Харьковский университет со степенью магистра гуманитарных наук в 1816 году. Именно во время учебы в университете у него зародилась страстная любовь к истории и этнографии. Свой первый опыт в историографии он воплотил в своей книге «*Письма из Малороссии*», вышедшей также в 1816 году. Написана она была в стиле сентиментализма по подобию карамзинских «*Писем русского путешественника*» и несла на себе ощутимый отго-

лосок мировоззренческих концепций французских цивилизаторов. В своих представлениях об обществе Левшин исходил из основополагающей идеи просветителей о вечности и неизменности природы человека, изначально заданной ему на все времена.

Барский дом в имени Левшиных в селе Позжилино. Фотография нач. XX в.

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ В ПЕТЕРБУРГЕ...

Пушкин окончил Царскосельский лицей в 1817 году. После его окончания восемнадцатилетний поэт поступил на государственную службу, как и остальные выпускники, став коллежским секретарем в Коллегии Иностранных дел в Петербурге. Левшин поступает туда же год спустя.

Пушкин, который на тот момент также имел на своем счету несколько великолепных произведений, лишь числился в Коллегии. Она была для него местом важных и интересных встреч. Там он встречался с А. С. Грибоедовым и будущим декабристом А. Д. Улыбашевым, служившим переводчиком. Александр Сергеевич определил свой путь еще в лицее, в стихотворении *«К другу стихотворцу»*. Там он пишет: *«И знай, мой жребий пал, я лиру избираю...»*. Дипломатическая служба и служение *«слепой Фемиде»* его совсем не привлекали, в то время как для амбициозно настроенного Левшина она была средством построения прекрасной карьеры на гражданском поприще и массы серьезных и обстоятельных исследований.

НА НОВОМ МЕСТЕ СЛУЖБЫ

1820 год стал отправной и во многом решающей точкой для обоих литераторов. Пути их разошлись. Пушкин, в июне, — за вольнодумство и выпуск в свет нескольких едких эпиграмм на власть, в том числе и оду *«Вольность»*, был отправлен в знаменитую «ожную ссылку» — романтический период его творчества, который в официальных документах значился как перевод на новое место службы. Молодой Пушкин проявил себя носителем либеральных настроений, которыми жила прогрессивная патриотически настроенная дворянская молодежь. Благодаря вмешательству в дело Чаадаева и Карамзина, серьезных последствий молодой Пушкин избежал.

В июле того же года для исполнения официального рескрипта царя небольшая дипломатическая миссия в составе В. Ф. Тимковского, А. И. Левшина, П. Д. Черкасского и П. А. Корсакова [родного брата одноклассника Пушкина по лицу Н. А. Корсакова. — прим. авт.] отправилась в административный центр обширного и малоизученного на тот момент Оренбургского края. Им поручались вопросы, касавшиеся совершенствования местного судопроизводства и улучшения политических отношений с казахами и народами пограничных государств. Левшин увозил на новое место службы много творческих планов и стремлений, надеясь обрести там желанный простор для плодотворной государственной и научной деятельности.

Уже в ноябре 1820 года в *«Вестнике Европы»* была напечатана первая статья Левшина по истории казахского народа — *«Свидание с ханом Меньшой Киргиз—Кайсакской орды»*. Этой темой он заинтересовался еще будучи в Петербурге. Так вспоминал он сам: *«Первые понятия мои о сем народе почерпнуты мною из архива Азиатского департамента Министерства Иностранных дел, в течение 1819 и 1820 годов. Я пополнил оные подробностями, замечаниями, поверками и всякого рода сведениями в последовавшие за тем два года, кои провел я в Оренбурге и в степях Зауральских...»*. (см. предисловие к 1 тому *«Описания киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей»*) Позднее в свет выйдут *«Историческое и статистиче-*

ское обозрение уральских казаков» и его знаменитый трехтомник «*Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей*».

Командировка Левшина продлилась до 1822 года. Вследствие опалы на руководителя группы В. Ф. Тимковского Алексей Ираклиевич получил увольнение от должности и оставил Оренбургский край.

ОДЕССКИЙ ПЕРИОД

В начале 1823 года наместник Бессарабии Новороссийский генерал-губернатор Михаил Семенович Воронцов начинает укомплектовывать свою канцелярию. На тот момент, по понятиям того времени, она была одной из самых многочисленных в России и насчитывала 37 чиновников.

Воронцов предложил Левшину должность секретаря своей канцелярии. И уже 31 мая 1823 года он отправляется на новое место службы в Одессу. Так это назначение описывал один из самых язвительных мемуаристов той эпохи Ф. Ф. Вигель: «*Из сих чиновников приехавший первый и, конечно, примечательнейший из них был Алексей Ираклиевич Левшин, человек лет двадцати пяти. У него были и познания, и способности, и трудолюбие вместе с врожденною ко всем приветливостью, которая, равна будучи и со старшими, не могла иметь ни малейшего вида подлости; сверх того, довольно заметное честолюбие — одним словом, все средства к возвышению. Мне едва ли случалось встретить человека более его благоразумного в поступках, более одаренного тем, что французы называют умом поведения, esprit de conduit. Выгораживая себя, по всей истине могу сказать, что это было единственное дельное приобретение, сделанное Воронцовым в Петербурге*».

Сам же граф Воронцов писал о Левшине практически то же самое: «*Левшин — настоящий государственный деятель, во всем понимании этого слова. Здравый суд; возделываемый дух; обширное и творческое мышление; праведность, возвышенное отношение; благое сердце; доброта; все вместе в нем. Это сделало его самым выдающимся человеком. Скажите спасибо небу, что для славы и процветания нашей возлюбленной России у нее было как можно больше таких заслуженных людей, как Левшин*» (см. статью М. П. Щербинина в газете «Голос» 1868 года № 3).

География поездок Пушкина в период 1820—1824 годов была весьма обширной и включала в себя юг Малороссии, Крым, Бессарабию. Биография поэта того периода наполнена яркими событиями: тут и поездки поэта по Крыму, и прелести армейской жизни в Кишиневе, и богатая событиями и интригами, почти столичная, жизнь в Одессе, куда в июле 1823 года он добивается перевода: «*Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу,— я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация, итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мою душу...*» (см. письмо Пушкина брату Льву, 25 авг. 1823 года). А. И. Тургенев в письме к князю Петру Вяземскому перевел эту ситуацию в анекдотическую: «*Граф Воронцов сделан новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и бес арабский (Пушкин)...*» (см. А. И. Тургенев в письме кн. Петру Вяземскому, 9 мая 1823 г.).

Одесса тогда — центр огромного края, обнимающего Черное море. Это, по-сути, второй европейский город России после Петербурга. Одессе даровано право на порто-франко, а также на бесцензурную доставку газет.

Одессу Пушкин хвалит за ресторан француза Талона, то ругает за грязь, мостить улицы тогда только начинали. За несносный для северянина климат обзывает: «*летом — песочница, зимой — чернильница*» — по частям письменных приборов на каждом столе в канцелярии генерал-губернатора графа Воронцова. Себя же Пушкин уподобляет римскому поэту Овидию, сосланному в эти самые края императором Августом. Свое жалование Пушкин принимает как паек ссыльного. Отношения с Во-

ронцовым не заладились с самого начала. Пушкин служить не хотел, он привлекал к своей персоне слишком много внимания.

Канцелярия Воронцова находилась на улице Херсонской, 42. Там же жили Воронцовы до постройки своего великолепного дворца. На первом этаже помещалась часть канцелярии, которую возглавлял Казначеев.

Мраморная лестница в этом доме вела в большой зал, который разделял две комнаты. В гостиной собирались приглашенные графиней, в бильярдной — графом. Так сказать, общество «поэтическое» и общество «практическое». Пушкин всегда бывал в первом и никогда не бывал во втором. Левшин же, наоборот, всегда посещал общество «практическое».

Про таких как Воронцов тогда говорили — человек практического ума. Граф Воронцов поэзию Пушкина не то чтобы не любил или не ценил, он ее не понимал, потому что не видел в ней практического смысла, и к Пушкину относился как к мелко-му чиновнику своей канцелярии. Кому такое понравится?

Про отношения Левшина и Пушкина в Одессе писали некоторые мемуаристы. Например, в «Записках» Липранди мы находим: *«Но вместе с тем мне казалось странным, что он [Пушкин — прим. авт.] не то чтобы избегал безусловно, но и не искал быть в кругу лиц, шедших тем же литературным путем, как и он. Из них сослуживцами ему были А. И. Левшин и В. И. Туманский; первого находил он слишком серьезным прозаиком...»*.

Пушкин в письме к В. И. Туманскому от февраля (не позднее 23) 1827 г. в конце спрашивает: *«Нельзя ль чего от Левшина?»* Огромное исследование по поводу доказательств принадлежности этой приписки Пушкину и вообще о взаимоотношениях Левшина и Пушкина провел известный советский литературовед и пушкинист Лев Аврумович Шейман.

Немного иные сведения дает нам К. П. Зеленецкий: *«В то время при графе Воронцове служили многие молодые люди, достигшие впоследствии важных государственных должностей. Пушкин особенно близок был с Алексеем Ираклиевичем Левшиным; с Александром Николаевичем Раевским, который жил тогда в Одессе и имел на нашего поэта какое-то господствующее влияние; с братом его Николаем, который приезжал иногда в Одессу; с Туманским, поэтом, о котором упоминается при описании Одессы, и с некоторыми другими молодыми людьми»*.

В конце осени 1823 года в свет выходит *«Историческое и статистическое обозрение уральских казаков»*, которым сильно заинтересовался Пушкин.

Служебный роман Пушкина с графиней Воронцовой вынудил графа написать прошение к графу Нессельроде о высылке Пушкина из Одессы. Так и произошло. Удалось найти мнение самого Левшина об этом событии: *«Неуместно было бы здесь вспомнить какие-либо черты из жизни Пушкина. Одно только обстоятельство считаю я долгом совести разъяснить вам, а именно, что публика несправедливо обвиняла графа Воронцова в преследовании Пушкина. Бессмертный наш поэт, не взирая на огромный талант, был человек до крайности самолюбивый, раздражительный и избалованный безусловным поклонением современников; с другой стороны, он легко поддавался влиянию лиц, успевших приобрести его доверенность, что замечено и его биографами. Одному из таких влияний надо приписать раздражение Пушкина против гр. Воронцова, который осыпал его вежливостями и получал в ответ одни неучтивости. Если желаете знать подробности удаления Пушкина из Одессы, прочтите правдивый рассказ Липранди»* (см. «На память юбилея А. И. Левшина», СПб, 1868 г., с. 51).

Левшин прослужил при графе Воронцове до 1837 года. В 1831-1837 годах он был градоначальником Одессы.

И СНОВА ПЕТЕРБУРГ...

В конце 1830 года Левшин заканчивает написание своей обширнейшей монографии, трехтомника «*Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей*». Уже 6 января 1831 года при помощи Александра Сергеевича появляется выдержка из этой книги в «*Литературной газете*» Дельвига.

Практически одновременно с этим событием Пушкин женится на Наталье Гончаровой и с октября 1831 года они стали снимать свою первую совместную квартиру в Петербурге. И у кого? У семьи будущей жены Левшина. Пушкин сообщает своему другу П. В. Нашекину: «*Пиши мне: На Галерной в доме Брискорн*».

Там у молодоженов рождается дочь Мария. Здесь была начата поэма «*Езерский*» и написаны «*Моцарт и Сальери*», «*Пир во время чумы*», одна из частей «*Евгения Онегина*».

Сейчас это дом № 53 по улице Галерной. Напоминанием о том, что здесь когда-то жил великий Пушкин, служит мемориальная доска и гостиница с пафосным названием «*Счастливый Пушкин*».

Обложка первого тома «Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей», 1832 год.

В 1834 году выходит «*История Пугачева*», написанная Пушкиным. В ней он указывал на произведение, ранее написанное Левшиным: «*Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении*

Выпуск «Литературной газеты» от 6 января 1831 года.

Во время проживания в этом доме у Натальи Гончаровой сложились очень близкие дружеские отношения с будущей женой Левшина Елизаветой Федоровной. Это мы видим из ее письма к ней от 10 июля 1832 года: «*Спасибо, мой ангел, моя сестрица, ты настоящий ангел. Вчера я получила твое письмо, и за него тебя благодарю тысячу раз. Уверяю тебя, что прежде, чем его прочесть, увидела только твою руку, без Матушки. И кровь моя застыла. Милый друг, если тебе еще раз удастся самой мне написать, постарайся сообщить, прежде всего, почему она сама не пишет. Твое письмо прекрасно, тысячу раз прекрасно, и ты показываешь, что у тебя веселый вид. Ох, моя сестрица, я тебя знаю, ты обманываешь, мой дружок, позволь мне сомневаться в этой очевидности; я вижу тебя с полными слез глазами в карете, едущей в Курск. Вообще когда речь идет о моей персоне, у тебя всегда в письмах улыбка. Бог так хочет, да будет так...*» (см. <http://www.litfund.ru/auction/126/26/>).

Алексей Ираклиевич и Елизавета Брискорн узаконили свой союз в 1832 году, тогда же окончательно было опубликовано «*Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей*».

яицких казаков находим мы в «Историческом и статистическом обозрении уральских казаков», сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинной ученостью и здоровой критикою» (см. ПСС (1981 г.) том 7, стр. 85).

В статье, напечатанной в 1835 году в «Сыне Отечества», господин Броневский стал критиковать «Историю Пугачева»: «*Вся первая глава, служащая введением к «Ист. Пуг. бун.»*, как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думаю, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована».

На что Пушкин смело отвечал: «*Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и огромное (то есть пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благоклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою*».

ЭПИЛОГ

Далее пути их разошлись... Пушкин продолжил писать, а Левшин — служить Отечеству. Он дослужился до чина действительного тайного советника. Был одним из основателей Русского географического общества, товарищем министра внутренних дел Российской империи, участником и вдохновителем одной из важнейших реформ 19 века — отмены крепостного права. Умер он 19 сентября 1879 года в курском имении Хомутовка и похоронен в склепе возле церкви села Пожилино Ефремовского района.

Ныне склеп разрушен, его не пощадило ни время, ни люди... Но память об этом выдающемся человеке жива по сей день.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

**ЛЕТЕЛА ЖИЗНЬ В ПЛОХОМ АВТОМОБИЛЕ...
(кто вы, бард Высоцкий?)**

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Уже более четверти века наша страна живет под эгидой компрадорской буржуазии. Как всегда при смене идеалов поспешно сносятся одни памятники и не менее поспешно устанавливаются другие. Появились памятники Колчаку, Ельцину, Солженицыну... Через годик-другой, глядишь, увидим памятники Михаилу Горбачеву, генералу Власову, Анатолию Чубайсу... Воздвигнуто немало памятников и Владимиру Семеновичу Высоцкому. Почему же власть не жалеет денег и для увековечивания памяти этого человека?

Владимир Высоцкий покинул этот мир сорок лет назад, но его песни продолжают жить. Они часто звучат в записях авторского исполнения, их поют профессиональные артисты и любители. Многие строки из песен Высоцкого цитируют в разговорах («Настоящих буйных мало — вот и нету вожakov», «В гости к Богу не бывает опозданий», «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал», «Жираф большой — ему видней» и другие).

Актуально ли творчество поэта-барда сегодня? Коли его песни слушают, поют их, ищут в «ютубе» (причем, миллионы), значит, актуально. Кто из современных русских поэтов конца двадцатого века более популярен? Да никто.

Всеволод Емелин, рассуждая о творчестве Высоцкого, подметил: «Увы, сейчас подобного давно нет и несчастной публике (несмотря ни на что интересующейся стихами) преподносят либо псевдовысоколюбые непрожеванные шарady так называемой «актуальной поэзии», либо попсу в широком смысле слова».

«Правящие бал» в России современные либералы считают Владимира Высоцкого «своим». Но так ли это на самом деле?

Как известно, в четырнадцать-шестнадцать лет под воздействием «окружающей среды» у человека формируется «стержень» его личности.

8 марта 1953 года восьмиклассник Володя Высоцкий, дважды пройдя в Колонном зале мимо тела покойного Иосифа Виссарионовича Сталина, вернулся домой и написал стихотворение «Моя клятва», которое завершалось такими строками:

*Я клянусь: буду в ногу идти
С дружной, крепкой и братской семьей,
Буду светлое знамя нести,
Что вручил ты нам, Сталин родной.*

*В эти скорбно-тяжелые дни
Поклянусь у могилы твоей*

*Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.*

*Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землей,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.*

Какой же сталинской политике юноша поклялся быть верным и при этом «не щадить молодых своих сил»? Среднюю школу Высоцкий окончил без «троек», что свидетельствует о его пытливом уме. Он видел, как стремительно развивалась страна. За каких-то десять лет проведена индустриализация, без чего победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна. Постоянно росло количество школ, училищ, техникумов, вузов — и все это было доступно для рядовых граждан. Создание ядерного оружия позволило СССР стать сверхдержавой. Цены на товары народного потребления периодически снижались (позже Высоцкий напишет: «...было время и цены снижали»), коммунальные услуги и жилье стоили по сравнению с сегодняшним днем копейки.

Образование, медицина и многие виды отдыха были в то время бесплатными. Каждый год (в среднем) численность русского населения увеличивалась на полтора миллиона человек, а все население страны с 1924 по 1953 год выросло со 147 до 208 млн. человек. И это при том, что в годы войны страна потеряла миллионы своих граждан. (Для сравнения: по данным Росстата за годы правления Путина русских людей в РФ стало на семь миллионов меньше). В 1953 году средняя продолжительность жизни в СССР составляла 63 года, в 1913 году (это для тех, кто расхваливает царскую Россию) — 33 года. И так далее...

Не будем перечислять все плюсы сталинской эпохи, ибо это займет слишком много страниц. Одним словом, Сталин заставил учиться, работать и побеждать. Именно эти сталинские дела поклялся продолжить юный Высоцкий: «Буду светлое знамя нести, что вручил ты нам, Сталин родной». И что характерно: Володя обращается к вождю на «ты» и тем самым высказывает свое родство с Иосифом Виссарионовичем по духу.

При этом не надо забывать, что период правления Сталина приходился на очень трудное для России время: разруха после первой мировой войны и упадок во всех отраслях, стремление капиталистических государств любыми путями ослабить Страну Советов, период Великой Отечественной войны с ее тяжелыми последствиями.

Серьезные ошибки у Сталина тоже, безусловно, были. Да их и не могло не быть: ведь по сути всего второй раз в истории человечества строилось социалистическое государство.

Возвращаясь в 1931 году из Советского Союза, Бернард Шоу сказал: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны — страны отчаяния... Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена. Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели».

Во время обучения Высоцкого в Школе-студии МХАТ его отношение к Сталину существенно изменилось. Это произошло, как мне представляется, главным образом по трем причинам.

Мировоззрение будущего поэта укреплялось в годы, следовавшие после 20 съезда КПСС, когда Хрущев и его приспешники лезли из кожи вон, чтобы вылить ушаты помоев на голову покойного Сталина. На многие руководящие посты по всей горизонтали власти пролезли члены партии, которых как ржа железо разъедала мел-

кобуржуазная психология. Они жаждали больше материальных благ; потребительский «аппетит» возрастал почти у каждого.

Конечно, такие люди были во властных структурах и ранее. Однако они сдерживали свои «аппетиты», опасаясь нежелательных последствий.

Здесь уместно вспомнить такой эпизод. Председатель ОГПУ Генрих Ягода в кругу близких ему людей сокрушался, что, дескать, мы занимаем высокие посты, а что имеем: автомобиль казенный, квартира нам не принадлежит, мебель с инвентарными номерами и т. п.

Не индустриализация или другие государственные проекты в первую очередь интересовали этих людей, а личное материальное благополучие. И причина понятна: они были в плену частнособственнической психологии. Иосиф Виссарионович решительно боролся с этой психологией, особенно в рядах руководящего звена. Именно с этой целью периодически проводились «чистки партии», что породило у многих чиновников и представителей интеллигенции лютую ненависть к Сталину. И среди окружения студента Высоцкого, скорее всего, было немало таких людей.

Волна «разоблачения» культа личности подхватила Высоцкого и выбросила в океан обильной лжи на Сталина. Неопытному молодому разуму трудно было справиться с потоком обвинений в адрес покойного вождя: все без исключения СМИ вопили о «злодеяниях» сталинской госбезопасности, а многие вузовские преподаватели и деятели искусства, выполняя установку съезда партии, дружно подхватывали эти вопли.

И еще важная и, пожалуй, самая главная причина отречения Высоцкого от вчерашнего кумира. Будущий поэт плохо изучал историю большевистской партии, слабо ориентировался в историческом материализме и диалектике. Да и не было у него возможности ознакомиться со стенограммами пленумов и съездов партии и с другими документами: все было засекречено. Именно самому прочитать, а не послушать комментарии к ним идеологических клеветников. (Нередко политические взгляды формируются именно на знакомстве с «комментариями»).

А будь у Высоцкого такая возможность и желание, он имел бы более реальную картину о том, какая борьба шла после смерти В. И. Ленина внутри ЦК о путях развития России. Мы и сегодня-то толком не знаем всей правды о «загадке» 1937 года. Главные документы этого периода времени власть олигархического капитализма до сих пор охраняет грифом «секретно».

Бисмарк, проживший в России четыре года, в свое время сказал: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить живые ценности, и тогда они победят сами себя». Этот тезис наши враги сразу взяли на вооружение в борьбе с Россией.

Разоблачение «культа» личности Сталина нанесло непоправимый ущерб не только международному коммунистическому движению. Хрущев вложил в руки противника такой мощный козырь, что Запад использует его против России и сейчас. А в пятидесятые-шестидесятые годы это послужило толчком для оживления деятельности антисоветчиков внутри СССР и в странах народной демократии. Например, в Чехословакии родился лозунг борьбы за «социализм с человеческим лицом», и это, как показала жизнь, был первый шаг к реставрации капитализма. Ну, а когда в СССР и в той же Чехословакии был сделан последний шаг, народ ужаснулся. В результате этих «эволюционных изменений» мы регулярно сталкиваемся с фактами, от которых на голове начинают шевелиться волосы. Вот только один такой факт.

В феврале 2009 года газета «Советская Россия» сообщила следующее: «Между Германией и Чехией существуют целые рынки, где «покупают» мальчика или девочку от 8 лет за сумму от 5 до 25 евро. Вся Чехия превращена в рынок дешевой детской проституции, самый большой бордель в Европе, который посещает ежегодно 10 тыс. «секс-туристов» из различных стран мира. На этом секс-рынке томятся дети из Ук-

раины, России, Молдовы, Литвы и Беларуси». Подобные рынки — отличительная особенность «капитализма с человеческим лицом».

Однако вернемся к упомянутой выше стихотворной клятве Высоцкого. Его мировоззрение менялось, и это не могло не отразиться и в творчестве поэта. Взять хотя бы строчки из широко известной в свое время песни «Банька по-белому»:

*Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс!
А на левой груди — профиль Сталина,
А на правой — Маринка анфас...*

Или

*...А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.*

Отдадим дань яркому поэтическому языку этих строф. Однако из содержания песни вовсе не следует, как считают многие, что она написана от лица несправедливо репрессированных. Как известно, наковки с Лениным и Сталиным делали себе и отпетые уголовники. Среди них бытовало мнение, что если приговорят к расстрелу, то исполнители ВМН не посмеют стрелять в изображение своих вождей. Так что, скорее всего, в этой песне мы видим очередную дань блатной романтике.

Но при желании можно найти у Высоцкого и строки, ясно показывающие, как изменилось его отношение к Сталину.

Например, песня «Летела жизнь...», в которой упоминается депортация чеченцев и немцев Поволжья, заканчивается такими строфами:

*Воспоминанья только потревожь я —
Всегда одно: «На помощь! Караул!..»
Вот бьют чеченов немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул.*

*Когда дошло почти до самосуда,
Я встал горой за горцев, чье-то горло теребя,—
Те и другие были не отсюда,
Но воевали, словно за себя.*

*А те, кто нас на подвиги подбили,
Давно лежат и корчатся в гробу,—
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный — вылетел в трубу.*

«Самый главный» — это, разумеется, тот, чья смерть некогда так потрясла юного Высоцкого.

Примеры негативного восприятия повзрослевшим поэтом даже упоминания о Сталине можно найти и в книге «Прерванный полет» Марины Влади, и в книге воспоминаний польского актера Даниэля Ольбрыхского.

Итак, Высоцкий отрекся от Иосифа Виссарионовича Сталина. Однако, сдаётся мне, в последние два года жизни Владимир Семенович вновь существенно изменил свое отношение к вождю. К такому выводу я пришел, когда обратил внимание на два момента. За год-полтора до смерти Высоцкий не написал ни одного стихотворения, в котором звучала бы критика Сталина. Кроме того, вспомним съемки фильма «Место

встречи изменить нельзя». В романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», который лежит в основе фильма, Жеглов — это отрицательный персонаж, сталинист. Как и многие, Говорухин тоже шел на поводу у Вайнеров в трактовке образа, но Высоцкий настоял на своем и не стал создавать образ сталиниста. Видимо, к концу жизни он стал прозревать.

Кроме клятвенного заверения: «Буду светлое знамя нести, что вручил ты нам, Сталин родной», звучал еще и другой послыл: «Я клянусь: буду в ногу идти с дружной, крепкой и братской семьей». А вот этой части клятвы он остался верен до конца.

После смерти Сталина Высоцкий получил специальность, совершенствовал свое актерское и литературное мастерство и при этом внимательно всматривался в жизнь своего Отечества. Он видел, как загнивает партийно-советская номенклатура, как мелкобуржуазная психология берет в плен все новых и новых граждан «общенародного государства», как разрушается его Родина. Именно эти обстоятельства породили в его душе протест, и в результате появились стихи с более громким гражданским звучанием. В одном из таких стихотворений читаем:

*Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.*

Высоцкий не скрывает своего отношения к действительности:

*Живу, не ожидая чуда,
Но пухнут жилы от стыда —
Я каждый раз хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда.*

Иной читатель скажет, что строкой «сбежать куда-нибудь туда» поэт заявил о желании выехать на ПМЖ в одну из капиталистических стран. Но это не так. Если бы у Высоцкого действительно было такое намерение, он бы это легко сделал, так как много раз выезжал в Париж к своей жене Марине Влади.

Протестные настроения, зачастую формулируемые в иносказательной форме, раздражали чиновников, ведающих литературой. Они препятствовали продвижению стихов и песен Высоцкого в массы. Их бесило стремительное распространение по стране магнитофонных записей с песнями, пугала порождаемая этими песнями популярность автора. Свои действия чиновники мотивировали тем, что поэзия Владимира Семеновича была несовершенна. Да, в его текстах отмечалось немало недостатков. Но достоинств в них было значительно больше. Лирике Высоцкого свойственны опора на ассоциации и смысловые оттенки. Поэт был способен в Слове передавать сложные душевные состояния, размышлять эмоционально-насыщенно. Именно поэтому лучшие его стихи, ставшие песнями, волнуют людей и заставляют слушать эти песни по многу раз.

«Запись сохранила голос, интонацию, смысл песни, но как много добавляла к этому живая мимика, выразительные глаза, вздувшиеся от напряжения жилы на шее. Он никогда не исполнял свои песни вполсилы... он пел и играл, выкладываясь полностью, до конца» (Станислав Говорухин).

Некоторые настырные журналисты докапываются, был ли Владимир Высоцкий агентом КГБ. В этой связи я вспомнил один эпизод из своей службы в органах КГБ СССР-ФСБ РФ. В июне 1980 года я, молодой офицер, был включен в группу, которая осуществляла контрразведывательное обеспечение на стадионе «Динамо», где проходили футбольные матчи Московской летней олимпиады. Руководителем группы

был зам. начальника 5 Службы УКГБ по г. Москве и МО полковник Ярослав Карпович. (Тот самый, который в 1989 году выступил со своими заметками о работе КГБ в журнале «Огонек»). 25 июля, после известия о смерти Высоцкого, Карпович в доверительной беседе рассказал нам, своим подчиненным, такой случай, произошедший с Владимиром Семеновичем года за два до его кончины.

Высоцкий ехал во Францию к Марине Влади. На таможенном посту «Брест» при осмотре его иномарки был обнаружен тайник, в котором находилась дорогостоящая икона, не указанная в таможенной декларации. Для обычного гражданина — это тюремный срок. Доложили в Москву. Моментально поступила команда: икону изъять, Высоцкого на его автомашине пропустить через границу.

Был Высоцкий агентом КГБ или нет — не столь важно. Если и был, не вижу в этом ничего дурного, а наоборот: значит, он исполнил данную в юности клятву: «Не щадить молодых своих сил для великой Отчизны моей».

О литературном творчестве Высоцкого написаны десятки книг и монографий, сотни статей. Прочитавший хотя бы часть этих исследований подтвердит вывод о том, что Владимир Семенович в части, касающейся «буду в ногу идти с дружной, крепкой и братской семьей», клятву исполнил в полной мере.

Очень жаль, что советская власть не успела присвоить артисту звание «народный». Народность в творчестве Владимира Высоцкого отмечали многие литературные критики и литературоведы.

«Он народен в самом прямом и высоком понимании! Он народен в самом методе мышления: в умении увидеть парадоксальную ситуацию, создать яркий, садняще-иронический и убийственно-точный образец. Он народен социальностью своего творчества» (Борис Алмазов).

Если говорить о «сестре таланта», то, пожалуй, лучше других о Высоцком сказал Владимир Бондаренко: «Высоцкий — это песенник земли русской, непреходящее явление, сплав слова, музыки и русской идеи. Именно ему было суждено наиболее полно выразить русский народный дух. Он более народен, чем многие наши урапатриоты. Можно критиковать его... за слабость песенных строк или за слабость композиции, но Высоцкий — это результат, я бы сказал, «синергетического эффекта», когда итог больше суммы слагаемых: не самой совершенной поэзии и музыки...»

Есть у Высоцкого такие строки: «Летела жизнь в плохом автомобиле и вылетала выхлопом в трубу». К великому сожалению, в своей жизни Владимир Семенович нередко «садился в автомобиль», напичканный алкоголем, табаком и наркотиками. И в результате существенная часть его жизни «вылетела выхлопом в трубу».

Впрочем, многие творческие люди могли плодотворно работать лишь в состоянии «измененного сознания». Примеров этого в истории предостаточно.

Анна Барсова (Барсемян)
(г. Екатеринбург)

**МАРИЯ ПЕТРОВЫХ —
МАСТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА**

Анна Барсова (литературный псевдоним А. Барсемян с 2003 г.) — поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Член Союза российских писателей, Академии Российской литературы. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси», премии мэра города Набережные Челны и др. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями С. Есенина, В. Шекспира, Р. Казаковой, «За заслуги в культуре и искусстве» и др. Дипломант российских фестивалей и конкурсов.

Поэтическая судьба Марии Петровых была непростой. Это подтверждают современные издания стихов М. Петровых, а также неопубликованные тексты, письма, черновики, воспоминания современников.

При жизни М. Петровых почти не печатала своих стихов, хотя писала с конца двадцатых годов.

Современники высоко ценили стихи М. Петровых. Известный переводчик, поэт, бывший сокурсник М. Петровых по Высшим литературным курсам Арсений Тарковский отмечал «врожденный поэтический голос» Марии Петровых. В своей статье о М. Петровых он писал: «У нее слова загораются одно от другого, соседнего, и свету их нет конца. Тайна Марии Петровых — тайна обогащенного слова. И тайна в том, что она была большим поэтом».

Об особенностях поэтического дара М. Петровых говорила также Елена Николаевская, известный советский переводчик, в статье «Тайна»: «У Марии Петровых абсолютный слух. Абсолютная зоркость. Чуткость. Совершенное чувство гармонии. Чувство меры. Вкус. Чувство природы, слианности с нею».

Анна Ахматова называла М. Петровых «превосходным поэтом», а о стихотворении «Назначь мне свиданье на этом свете» отзывалась как о «шедвре лирики последних лет». Об этом пишет В. Адмони в своих воспоминаниях «Вы запомнились сестрою дальней».

Борис Пастернак также высоко ценил дарование М. Петровых, но она предпочитала держаться в тени и почти не печатала своих стихов. О скромности и этих качествах характера поэта писала известный переводчик Вера Звягинцева, называя Марию Петровых «чудом» и удивляясь тому, что ей даже слава не нужна.

Мария Петровых, думая о себе, о своей судьбе поэта, писала, раскрывая сущность своей души:

*Мы начинали без заглавий,
Чтобы закончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.*

Или:

*Бесценный дар поэта
Зарыла в землю я.
Велению не внемля,
Свой дар зарыла в землю...
Для этого ль, затем ли
Я здесь была, друзья!*

Строки из «Завещания» объясняют отношение М. Петровых и к своим стихам, и к работе над переводами:

*Один лишь труд безвестный —
За совесть, не за страх,
Лишь подвиг безвозмездный
Не обратится в прах...*

Успехи переводчицы Марии Петровых значительны. В ее прекрасных переводах выходили стихи болгарских, еврейских, литовских, польских поэтов, но самое близкое ей по духу поэтическое пространство — это Армения.

В преодолении культурных барьеров перевод играет колоссальную роль. Перевод — это диалог не только между двумя языками, но и между двумя культурами. Несмотря на то, что любая культура обладает определенными национально-специфическими чертами, которые составляют ее уникальность, в любой культуре имеются компоненты, отражающие общечеловеческие духовные ценности. Это культурные универсалии, которые лежат в основе всех типов культур. Они свидетельствуют о сходстве в выражении мыслей и чувств людей, представителей разных культур. Вместе с тем перевод не всегда в полной мере может преодолеть специфические различия бытовой и духовной культур народов.

Эти «белые пятна» говорят о национальном своеобразии, которые переводчик по мере возможности старается привнести в переводимый текст. Переносятся все этнические, общественные, географические, бытовые реалии (по возможности), формы речевого этикета, топонимы и т. п.

Мария Петровых как переводчик начинала в 1934 году. Поэт Георгий Шенгели, работавший в Гослитиздате редактором отдела литературы народов СССР, пригласил молодых поэтов работать над переводами. Среди них была и Мария Петровых. Первой переводческой работой поэтессы были главы из поэмы Переца Маркиша, затем последовали Абай Кунанбаев, Молла Непес и другие поэты. В 1943 году вышла книга переводов М. Петровых литовской поэтессы Саломеи Нерис, позже Юлиана Туви́ма и других авторов.

Бытует точка зрения, что счастливая судьба М. Петровых переводчицы компенсировала ее отсутствие в литературном процессе. Сама М. Петровых тяжело переносила свое молчание. Стихи ее часто лежали незавершенные, в набросках, и она очень переживала:

*О, как сердце отравлено
Немотой многолетней!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?*

В одном из писем М. Петровых прямо называет то, что не давало ей писать стихи:

«Начала было писать что-то свое и бросила! Когда над душой переводы, которые давно надо сдать, — свое писать невозможно».

В ряде других работ поэтесса признавалась, что переводит слишком медленно, чувствует огромную ответственность. Конечно, беззаветное служение своему делу, огромная самоотдача приводили к тому, что она откладывала свои стихи в сторону. Вероятно, это был тот субъективный фактор, который не дал ей раскрыться полностью в своем оригинальном творчестве.

Судьбоносной стала встреча М. Петровых с Арменией. В 1968 году в Ереване была издана первая и единственная прижизненная книга стихов поэтессы «Дальнее дерево». Она была издана при участии критика Левона Мкртчяна. Здесь же были размещены переводы.

К этой книге Мария Петровых шла долго. До этого она публиковала переводы стихов литовских, армянских, польских, еврейских и других поэтов, а своих стихов не более десятка. Портрет Марии Петровых кисти М. Сарьяна свидетельствовал о том, как высоко ценили в Армении дружбу с замечательным поэтом и переводчиком.

Коллеги по перу с восторгом отзывались о стихах Марии Петровых. Их знали наизусть и любили. Так, известный армянский поэт Рачия Кочар читал стихи М. Петровых Якову Хелемскому. Позже Я. Хелемский напишет об этом в своем очерке: «Меня поразила мощная фантазия автора этих строк. Я на мгновение забыл о том, что за окном сырая мгла северного предзимья. Привиделась уступчивая крымская крутизна, напоминающая и окаменевшие всплески морского прибоя, и застывшие языки пламени».

Впервые М. Петровых приехала в Армению осенью 1944 года. С ней Вера Звягинцева, поэт и переводчик. Они переводили стихи молодых армянских поэтов: С Капутикян, М. Маркарян, Р. Ованесяна, Г. Боряна, Г. Эмина, А. Сагияна.

Мария Петровых вспоминала об этой осени: «Это была замечательная, незабвенная осень. Мне мало пришлось ездить по Армении, но все же я была в Эчмиадзине (даже на богослужении), была на Севане... Молодые поэты оказались на редкость одаренными, работать над переводами было упоительно. Кроме того, мы с В. Звягинцевой много бродили по Еревану и окрестностям. Бывали в Норке, ходили к Зангу. Конечно, были в Матенадаране... С тех пор — моя любовь к Армении, моя верность». Об этой поездке у Марии Петровых сложились стихи:

*Осень сорок четвертого года.
День за днем убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.
Сокровенной счастливой тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о, нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова...
Будто воду из глубы колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.*

Стихов, посвященных Армении, у Марии Петровых немного. Однажды она сказала: «Образ Армении» ушел в глубины глубин души... Армения научила меня глубже, вернее понимать, чувствовать армянскую поэзию.

Помимо молодых поэтов, М. Петровых переводила стихи армянских классиков: Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна, Ваана Теряна, Наири Зарьяна и др. В этой работе ей помогал особый дар, дар постижения и проникновения в душу другого автора, дар перевоплощения и умения переложить речь автора на язык перевода.

Мария Петровых обладала удивительным слухом, чувством гармонии и меры.

Она глубоко чувствовала строй лирики, интонацию переводимого поэта, его стиль. О переводах лирики М. Маркарян писал критик Л. Мкртчян в очерке «Поэт»: «С высокой степенью приближения М. Петровых передает сердечную нежность и суровую откровенность лирики М. Маркарян»:

*Я в мир пришла как под хмельком
И оттого иду не в такт,
Я изнутри обожжена
И оттого иду не так.
В круговорот
Невзгод, забот
Растерянно погружена,
Я выровнять пытаюсь шаг —
Не получается никак!*

Удивительно тонко улавливает Мария Петровых ритм и дыхание стиха Аветика Исаакяна. Возвышенно и торжественно звучат строки в стихотворении «Армянское зодчество»:

*Храмы нашей страны! Вы в жестоких веках
Возвышались над жизнью, сожженной дотла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядясь в купола.*

Мягко, лирично и печально звучат строки Ваана Теряна в переводе М. Петровых:

*Пробудился я, счастьем обожжен.
Скорби не тая, плачет ветерок.
Ни души кругом. Тьма со всех сторон,
На пути моем вновь я одинок...*

Можно сказать, что читатель страны Советов узнал и полюбил страстные, нежные и печальные стихи Сильвы Капутикян, благодаря переводам Марии Петровых:

*Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желания —
Приди, приди, приди!*

Или:

*Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковому, дикому, скалистому горам!*

Ярким примером мастерства переводчика Марии Петровых явилась большая и трудная работа по переводу поэм Наира Зарьяна «Ара Прекрасный» и «Тиран и поэт». Анализируя перевод поэмы «Ара Прекрасный», критик Левон Мкртчян писал: «М. Петровых передала мужественный, дышащий глубокой страстью язык героев. Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка, часто переходящую в афористичность. М. Петровых индивидуализировала язык героев трагедии и стиховыми приемами: она допускает в речи ассирийцев женские и дактилические окончания, тогда как речи действующих

лиц — армян — имеют лишь мужские окончания, вообще характерные для армянского языка»:

Шамирам:

*Моя безмерна сила — я красива.
Явилась я как божество, как диво.*

Или:

*...Ответил Гайк с вершины голубой:
«Зачем же мне склоняться пред тобой?
Ты человек, я тоже человек,
И можем мы не враждовать вовек»,—
Так Гайк ему сказал сквозь облака.
Бэл потемнел и стал скликать войска.*

Эти примеры свидетельствуют о том, что М. Петровых прекрасно чувствует переводимого поэта и старается передать стиль, особенности его голоса, сохранив гармонию и колорит армянской поэзии.

Мария Петровых проделала огромную работу как редактор переводов из армянской поэзии. Под ее редакцией выходили на русском языке книги известных поэтов: Аветика Исаакяна (1956), Гегама Сарьяна (1974), несколько книг Маро Маркарян, стихи Ованеса Туманяна (1969), первая книга Сильвы Капутикян и ряд других.

Д. Самойлов, руководивший вместе с М. Петровых семинаром переводчиков, писал: «Кто-то из переводчиков о ней, доброй и кроткой, выразился: «зверь». По ее редакторской работе я понял ее отношение к переводу: страстное, личное. Пристальность души проявлялась здесь. Она волновалась, огорчалась, когда чувство и мысль переводимого автора искажались своеволием переводчика. Она всегда любила того, кого переводила. Она болела за каждую строчку, словно сама ее написала. Редактируемые обижались. Им хотелось проявить поэтическую индивидуальность. Но в переводе она проявляется именно в страстном и бережном отношении к тексту. Свойства «пристальной души» проявились здесь. А в редакторском деле — твердость и воля».

Творческая дружба связывала выдающихся армянских поэтов С. Капутикян, М. Маркарян с М. Петровых. Русский поэт М. Петровых была для них и сестрой, и другом, и помощником.

Смерть Марии Петровых потрясла армянских коллег. Сильва Капутикян, выдающийся армянский поэт, признавалась: «Для меня она была как внутренняя совесть, всегда в дни сомнений я обращалась к ней — она одобряла или осуждала, и я знала: она права. Ей первой всегда читала новые стихи. Когда беседовала с ней, то забывала, по-русски я говорю или по-армянски. Это был особый язык — язык души... Вот подстрочный перевод четверостишия, посвященного ей:

*Сердце мое переполнено, кто в его дверь постучится?
Со своими новыми песнями к кому мне теперь постучаться?
Ах, ты одна умела лить слезы по-армянски,
Чтоб перевели мои слезы, к кому мне теперь постучаться?*

Велики заслуги Марии Петровых в сближении национальных литератур: она перевела огромное количество стихов из сокровищниц армянского и других народов.

Армения высоко оценила заслуги Марии Петровых, переводчика. Она — заслуженный деятель культуры Армянской ССР.

О ПРОИЗВЕДЕНИИ СЕРГЕЯ ДАШТАМИРОВА «ВЫСТРЕЛ» (ПУШКИНСКАЯ ПРОЗА ОНЕГИНСКОЙ СТРОФЫ)

В № 2 «Приокских зорь» за 2020 год вызывает интерес стихотворное произведение поэта из Ростовской области Сергея Даштамирова «Выстрел» под рубрикой «Пушкинская проза онегинской строфой». Для стихотворения оно слишком большое и скорее похоже на поэму, хотя таковой не названо. Перед нами стихотворное переложение повести А. С. Пушкина «Выстрел». Если цель автора была в том, чтобы представить, как бы выглядела пушкинская повесть, если бы Александр Сергеевич пожелал изложить ее в стихах, попытка, хоть и дерзкая, но интересная,

Говоря о форме данного произведения, нужно отметить следующее. Как известно, пушкинская или онегинская строфа пишется ямбом и состоит из 14 строк с рифмовкой **a-b-a-b, a-a, b-b, a-b-b-a, b-b**, где **a** представляет собой рифму с женским ударением, венчающим восьмисложную строку, а **b** — с мужским ударением семисложной строки. Однако же при этом почему-то занимающие довольно большое место в рассматриваемом произведении «Рассказ Сильвио» и «Рассказ графа» написаны совсем с другим порядком рифмования. Тогда зачем надо было заранее заявлять онегинскую строфу? Задал форму, так держи слово и подкрепляй его делом.

Трудно сказать, какие могут быть даны этому объяснения кроме того, что автор устал или ему просто надоело подгонять стихотворные строки под опрометчиво заданную форму. Но и там, где она вроде бы соблюдается, есть огрехи. Например, во второй части в строфе VII:

*И вот я в графском кабинете.
Богатством он благоухал...
Такого я давно, поверьте,
В глухой деревне не видал.
Обилье книг, тепло камина,
На стенах старые картины,
Сиянье бронзы и зеркал,
Французский на столе журнал;
Сукном зеленым пол обитый,
Ковры персидские на нем.
А над камином есть проем,
В нем три богини — три хариты.
**Я трепетал — ну чисто,
Как был проситель у министра.***

В заключительной рифмовке строфы рифма **b-b** требует мужского ударения, а здесь женское. Александру Сергеевичу соблюдать заданный порядок было почему-то не в тягость. Между прочим, предпоследняя строка строфы («*Я трепетал — ну чисто*») являет собой грубейшее нарушение стихотворного ритма.

Неправильно было бы обойти молчанием качество рифм. К сожалению, автор относится к этой немаловажной стороне поэтического творчества без должной требовательности, а ее необходимо проявлять поэту серьезно. В строфе VII первой части рифмуются **понять — деревням**, в VIII — **странно — тайна**, в XV — **ждали — канцелярии**. К сожалению, и далее встречаются неудачные рифмы.

И стилистика произведения также далека от пушкинской.

*И обо мне тогда слыла
Весьма двусмысленная слава:
Самим был воплощеньем зла,
Но, право, лишь для комсостава!*

Комсостава?! В императорской русской армии первой половины XIX века?! Или речь идет об РККА?

А граф мне врезал оплеуху...

Ну совсем по-пушкински — «*врезал!*»!

При желании можно отыскать и другие примеры, это нетрудно. Но стоит ли?

По прочтении данного произведения задаешься вопросом: а какова сверхзадача написанного? Для чего оно создано? Никаких новых, оригинальных идей в нем не содержится. Простой пересказ повести А. С. Пушкина, причем в худшей редакции. Да и Пушкин-то здесь совсем не чувствуется. Стихи с большим количеством технических и образных погрешностей далеки от звучной поэзии великого поэта. Они могут быть простительны для начинающего молодого поэта, делающего первые шаги в поэзии, как проба пера. Местами интересно, необычно. Но при таком техническом несовершенстве и явно недостаточной художественной ценности зачем же публиковать это в солидном толстом литературном журнале? Как сказал бы известный киногерой: «*Литература в большом долгу перед читателем.*»

**Владимир Резцов,
г. Тула**

НЕБОЛЬШАЯ КНИГА — БОЛЬШИЕ СМЫСЛЫ
(О книге-триптихе Андрея Шацкого «Лебеди Тютчева»*)

Слог, размерность, язык поэта Шацкого узнаваем мгновенно, как только вдумчивый читатель открывает его очередную книгу. Эта — особенная. В небольшом издании «Лебеди Тютчева», прекрасно выполненном полиграфически, современного русского поэта Андрея Шацкого содержатся многие смыслы.

Смысл первый. Сохранение традиционной поэтической формы и былинной интонации. И — образец и научение для новых поколений поэтов. Также, как начинающие живописцы рассматривают шедевры в художественных галереях и учатся мазку кисти великого художника, можно любоваться и поэтическим почерком Андрея, пытаюсь понять его характерные штрихи, чтобы впоследствии создать свое произведение.

Смысл второй. Слово есть глубинный образ, который многогранен. И древнеславянский язык, которым в совершенстве владеет автор, передает разнообразие бытия, жизни, ее выпуклость. Андрей Шацкий органически использует в поэтическом тексте слова, чтобы понять которые нужно либо интересоваться отечественной историей, либо читать старинные произведения, такие, как «Слово о полку Игореве», либо — смотреть в словарь. Таким образом, автор наполняет стихотворное повествование, погружение еще одним смыслом — просветительским. «Гайтан», «Кремник», «вить»...

Смысл третий. Душа автора вмещает не только безграничное творчество, но и любовь — ко други своя. Это прежде всего Тютчев, которого Шацкий почитает не только Учителем и Поэтом, но и другом, в гости к которому в усадьбу Овстуг сочинитель триптиха приезжал не однажды. Это и его друг, поэт-меценат, много сделавший для поддержания отечественной поэзии и в частности музея-заповедника Овстуг, Дмитрий Мизгулин, это и упокоившийся недавно и похороненный на родине Тютчева главный редактор журнала «Юность», поэтический соратник Шацкого — Валерий Дударев.

Смысл четвертый. Лебеди (Тютчева). Нет необходимости описывать значение этого сакрального символа красоты, тайны, глубины, природы, женского начала, любви и верности. Но есть и еще одно тайное значение. Подъятые крылья лебедя — это подъятые крылья ангела, такие же большие, величественные и белые. В облике лебедей, по мысли поэта, Россию охраняют ангелы. Недаром он оговаривается, когда пишет, что «выводок... ходит эскадренным строем»... А как мастерски поэт использует аллитерацию, когда говорит: «Летело лебедей обилье», придавая строке мягкость через звук «л», обещая и предвосхищая «нежность», которая «останется там — в чугунном затворе усадьбы огады»!..

Смысл пятый. Мощный поэтический поток, созданный автором триптиха, вобрал в себя историю рода Тютчева, вписанную в историю Руси, России. Эта река времени, заключенная под чудесной обложкой, несет в своих «водах» память: от Захария — пращура Федора Тютчева, до современного периода.

Сквозь поэтическое полотно проходит сквозная мысль о том, что Захарий — предок Федора, преданный своему князю и Руси, благословил и Отечество, и поэтов в дорогу, по которой прошло, идет и будет идти в веках не одно поколение русских стихотворцев. Но путь этот труден:

*Тяжеле вериги — поэтов судьба
В России, покрытой морозною пылью...*

А поэт, принявший на себя обязательства служить Родине и Слову, и не ждет иного:

*В небрежно доверенной тайне — листам,
В которых поэту — не надо пощады!
Когда б он ни жил.*

Ирина Денисова, г. Москва

---

* Андрей Шацкий. Лебеди Тютчева: Триптих. — СПб.: Любавич, 2020. — 16 с.

«КОВЧЕГУ» — 10
ВИВАТ! ЖИВИ И ЗДРАВСТВУЙ!

Специалисты — утверждают: чтобы убедиться в жизнеспособности и стабильности любого начатого дела, организации, фирмы и т. п., поинтересуйтесь сроком их отлаженного функционирования. Если этот срок не менее восьми лет, можно доверять: стабильность и перспектива есть. А нашему «Ковчегу», детищу общему, — десять лет!

Десять лет... А, казалось, было будто вчера... А «вчера» было создание при Тульской духовной семинарии Православного клуба литераторов «Ковчег», активным организатором и соруководителем которого стал Яков Наумович Шафран, который и организовал одноименный альманах и все эти годы возглавляет его. Помнится, в ту, десятилетней давности, бытность мной было предложено издавать при творческом нашем клубе литературный альманах или сборники стихов и прозы авторов — членов клуба «Ковчег», а их тогда было более четырех десятков. Когда на литературных гостиных собиралось много людей, мест свободных не было в довольно большом помещении в семинарии. Безусловно, мы понимали, как замечательно было бы издавать свои сборники или альманах. Но осуществимо ли это? Конечно, достойно пишущих в клубе немало, но на какие средства мы это будем делать?! Да и кто конкретно согласится заняться безвозмездно этим хлопотным и ответственным делом?

Однако Яков Наумович, серьезно задумавшись над весьма заманчивой перспективой, хотя и хлопотной, требующей вложения не только денежных средств, но и времени, и сил, и знаний, решил все эти хлопоты взвалить на свои плечи. И взвалил! И несет по сей день! Как ныне нам известно, в альманахе он и составитель, и его главный редактор, и корректор, и дизайнер, и верстальщик, и соавтор, и прочая, прочая. Вообще, надо отдать должное его неугомонной личности. Я. Н. Шафран не только взвалил на себя «Ковчег», но и довольно серьезно заявил о себе как об авторе, пишущем стихи и прозу, и среди тульской, а теперь уже и российской пишущей братии, став в короткие сроки известным в ее кругах, лауреатом престижных литпремий. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь» и в биографический словарь «Писатели земли Тульской». Кроме того в сети Интернет шафрановские стихи и проза набирают все больше читателей и на общепризнанных литературных сайтах, и на его личных страничках. Причем, Я. Н. Шафран довольно успешно выступает в разных литературных жанрах: не только стихи и малая проза — эссе, рассказы, — но пишет и романы, и повести. Все это можно найти и в библиотеках Тулы и других регионов.

И финансовые вопросы по изданию альманаха решились за счет самих же публикующихся. Ведь каждый хочет быть изданным, если даже автор говорит, что пишет «в стол», и читательское мнение его не интересует. А в Туле немного изданий, стабильно выходящих, где можно поместить свои творения: всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», отметивший, кстати, в этом году свое пятидесятилетие (гл. ред. — известный писатель А. А. Яшин), литературный альманах «Тула» (С. М. Овчинников), литературный сборник известного писателя В. Я. Маслова «Тульское слово», альманахи «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса», «На лирической волне», «Тульская сторонка», «Отчизне посвятим», «Среда» и издание «Крылья души». Достойное место и свою нишу в этом ряду занял и «Ковчег». Одно то, что авторы (и среди них — какие авторы!) публикуются на его страницах постоянно, свидетельствует о многом: значит, издание стоит того. Оно действительно стоит того, о чем говорят и читатели.

И наш «Ковчег» на всех своих парусах под капитанским водительством своего главного редактора — составителя уверенно устремляется вперед под девизом «Православие в наших душах», под надежным крылом старшего брата — всероссийского журнала «Приокские зори» (где Я. Н. Шафран — зам. гл. редактора — ответствен-

ный секретарь), под солидным патронажем Академии российской литературы и под эгидой Союза писателей России. Само понятие «тульские», если говорить о «Приокских зорях» и «Ковчеге», весьма относительное. Они давно уже перешагнули местные рамки и приобрели статус всероссийских с международным участием. Именно круг освещаемых тем, многообразие литературных жанров, широта географии проживания авторов, как говорится, от Москвы до самых до окраин и далее, захватывая ближнее и даже дальнее зарубежье, отличают оба эти издания. На страницах «Приокских зорь» выходил даже журнал в журнале, например, творческой братии из Беларуси — белорусский литсоюз «Полоцкая ветвь», с которым туляки поддерживают тесные творческие связи. И белорусские авторы — нередкие гости на страницах «ПЗ» и «Ковчег». Думаю, не будет преувеличением сказать, что творческий костяк альманаха во многом составляют, оставаясь верными своему изданию на протяжении всех этих десяти лет, те, самые первые, авторы, — члены клуба «Ковчег». Среди активных авторов альманаха с ходу можно назвать членов Союза писателей России Вячеслава Алтунина, Геннадия Маркина, Сергея Крестьянкина, Алексея Яшина, Валерия Маслова, Валерия Ходулина, Валерия Савостьянова, Евгения Трещева, Ольгу Бугримову, Татьяну Шелепину; членов Союза Российских писателей Татьяну Леонову, Елену Гадену, Викторину Ткач; еще многих авторов из Тулы и области, как членов союзов, так и непрофессиональных писателей: Эдуарда Георгиевского, Валерия Демидова, Рагима Мусаева, Николая Макарова, Елизавету Баранову, Сергея Никулова, Людмилу Пенькову, Валентину Пинаевскую, Владимира Гудкова, Сергея Одинокова, Светлану Люкшину, Сергея Овчинникова, Галину Лялину, Олесю Маматкулову, Любовь Самойленко, Виктора Мызникова, Елену Хафизову, Татьяну Рогожину, Елизавету Баранову, Ирину Мацневу, Ирину Полынкину, Игоря Мельникова, Ольгу Андрееву, Владимира Пашутина, пишущего в том числе и музыку на стихи наших поэтов. Активны и наши коллеги из Москвы и области, а также других регионов России: Евгений Скоблов, Алла Новикова-Строганова, Игорь Карлов, Нина Попова, Олег Севрюков, Ольга Карагодина, Рудольф Артамонов, Антонина Маркова, Ольга Борисова, Владимир Трусов, Ольга и Наталья Артемовы, Виктор Афоничев, Владимир Герасимов, Вячеслав Михайлов, Галина Зеленкина, Галина Солонина, Евгений Шепеленко, Петр Любестовский, Сергей Лебедев, Сергей Носов, Сергей Филиппов, Лариса Семеновиченкова, Магдалина Гросс, Михаил Смирнов, Натали Силаева, Наталья Шестакова, Нина Гаврикова, Тамара Харитоновна, Ольга Понамарева-Шаховская, Елена Семенова, Андрей Можаяев, Галина Клиноква, Галина Мамыко, Ольга Приступенко и Людмила Авдеева и другие. Среди постоянных можно назвать многих авторов из ближнего и дальнего зарубежья: Николай Тимохин (Казахстан), Аркадий Мар (США), Любовь Бондаренко (Украина), Ляман Багирова (Азербайджан), Павел Подзоров (Белорусия) и другие. Эти списки можно продолжать, называя еще многих и многих авторов, публикующихся в «Ковчеге». Да простят меня коллеги, кого не назвала за ограниченностью места. И автор этих строк не пропустила за десять лет существования «Ковчег» ни одного его выпуска, публикуя на его страницах свою прозу и публицистику.

Что характерно для «Ковчег», как, впрочем, и для его старшего брата — «Приокских зорь», на их страницах в равной степени представлены как профессиональные литераторы, члены российских и международных творческих союзов; лауреаты и победители литконкурсов различных уровней, включая всероссийские и международные, удостоенные международной премии «Славянские традиции», Всероссийской премии «Левша» им Н. С. Лескова, областной премии имени Л. Н. Толстого и др., так и непрофессиональные пишущие люди, так называемые самодеятельные авторы, причем, разных возрастов, охватывая три поколения, широкой географии проживания — от Тулы, Москвы до Юга России, Поволжья, Сибири, Севера и зарубежья, ближнего и дальнего (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Украина, Америка,

Израиль и др.), о чем выше уже упоминалось, — и самых разных профессий: от рабочих, учителей, инженеров, врачей, строителей, библиотекарей до профессоров и академиков, многого добившихся в разных научных областях знаний.

Это удивительно, как в столь короткие сроки, в первые же годы существования «Ковчега», его составителю и главному редактору удалось привлечь на страницы своего альманаха такое количество творческих людей из разных уголков России и зарубежья — уже почти под сотню, причем, среди них немало постоянных авторов. А выходит альманах один раз в год солидным изданием — более чем на трехстах страницах и тематика его весьма разнопланова, а не только православие, хотя ему уделяется значительное место. Каждое издание начинается с духовной страницы, на которой нередко с пасторским словом к читателям обращаются известные российские священнослужители и прежде всего сам Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, а также писатели, такие, например, как Юрий Бондарев, известный своими книгами о войне, кстати, удостоенный Патриаршей литературной премии.

Альманах, что характерно, охватывает почти все литературно-публицистические жанры: поэзия и проза; публицистика, литературоведение, критика, литературная публицистика — синтез литературы и публицистики; целый раздел посвящен детям и о детях. На его страницах мирно соседствуют друг с другом рассказы, стихи — и даже сонеты, баллады и басни, — очерки, статьи, новеллы, эссе, миниатюры, воспоминания-мемуары, рецензии и литературоведческие работы, песни; фрагменты из повестей, романов и поэтических поэм. Внушительный перечень, не правда ли?! Но это еще — не все...

Тематика «Ковчега» тоже весьма разнообразна, ограничений в ее выборе нет: православие, произведения — проза, поэзия и публицистика, — носящие ярко выраженную гражданско-патриотическую и философско-нравственную направленность; любовная, пейзажная лирика и т.д. На страницах «Ковчега» нашлось место и нечасто поднимаемым в обычных, — имею ввиду в неспециализированных изданиях, — историко-гражданским темам, связанным с отечественным российским родословием, привлекающим все большее внимание россиян, а также темам широкого краеведческого характера.

Один мой знакомый, профессиональный литератор, сказал, что он «пробегают» «Ковчег» от корки до корки. Справедливости ради не могу сказать, что он взахлеб хвалил бы издание, отметив, что уровень публикаций на его страницах встречается разный, поскольку, как выше уже отмечалось, авторы разные, — есть и начинающие непрофессионалы, — но главное, по его словам, присутствует именно эта тематическая широта охвата российской действительности и искренность тех, кто пишет, разных по возрасту, социальному положению. Широко представлены авторы из российской глубинки, а не только жители столиц, областных центров и крупных городов. Это, на его взгляд, очень ценно, поскольку они чаще пишут именно о том, что видели и пережили сами, что их взволновало и не оставило равнодушными, значит, и читателя это заденет за живое, ибо отвлеченно-холодное повествование, как известно, и читателя оставит безучастным — не заденет.

...В этом моем, своего рода поздравительном, адресе, — во всяком случае, побудительным мотивом к написанию данного материала стало десятилетие альманаха, — не стану говорить о достоинствах или недостатках в творчестве его авторов, рецензировать чьи-то произведения, — не в этом моя цель, — читатель сам выносит каждому автору свой вердикт. Ясно одно: если он читает данное серьезное издание, значит, оно ему нужно и полезно.

Как-то, несколько лет назад, говоря в статье о «Ковчеге», назвала его народным альманахом. И сейчас могу это повторить. Народным в том, что он ориентирован не на некую элитарную читательскую аудиторию и авторов своих подбирает не из богемной, этаким вознесшейся над бытом литературной элиты, на что нередко претен-

дуют глянцевые журналы. Наш «Ковчег» рассчитан и пишет для обычных людей и об обычных людях, коих мы и именуем «народ», и тематику поднимает близкую ему по духу и по жизни; ту, что характерна и типична для наших российских буден, но... Но при этом он в стихах и прозе со своих страниц ненавязчиво дает понять читателю, что хоть и с хлебом,— а куда и кто мы без хлеба насущного?! — однако «не хлебом единым жив человек». Жив русским нашим духом, непреходящими духовно-нравственными ценностями: совесть, честь, патриотизм, справедливость, любовь в самой широкой ее трактовке, милосердие и добро, которые и пропагандируются исподволь с его страниц. Умеющий слышать да услышит! И люди слышат! Иначе не интересовались бы читатели этим изданием, не публиковались бы на страницах этого альманаха уважаемые признанные прозаики и поэты, которых вместе с самостоятельными авторами объединяет «любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей», как пишет в аннотации к выпускам альманаха его создатель и главный редактор Я. Н. Шафран. На том и стоим, и будем стоять мы, российские пишущие люди!

Хотелось бы привести слова известного писателя, создавшего прекрасные правдивые книги о войне и не только, Юрия Бондарева, о предназначении и духовной сути литературного творчества, приведенные в одном из выпусков «Ковчеха», отражающего это и на своих страницах:

«Писатель должен быть действенной памятью своего общества и его душевным опытом.

Искусство — это память народа. Очень многое было бы потеряно в нашем душевном опыте, если бы не были написаны книги, не были созданы фильмы... Главное же для писателя и сценариста — объект его наблюдения, объект его исследования — люди, их страсти, их поступки. Люди живут, объединенные в общество. Толчки к творчеству идут извне. Это социальные и моральные импульсы общества».

Как верно! Ни добавить, ни убавить. Да, творчество — это память народа, которую мы запечатлеваем и оставляем грядущим поколениям, жить коим суждено на земле после нас.

...Десять лет для человека — детский возраст, для человечества — миг; для альманаха — вполне солидный возраст зрелости, обретения своей твердой стабильной почвы, своей ниши, а главное,— своего автора и своего читателя. Все это есть у нашего «Ковчеха». Что ж, пожелаем ему под патронажем старшего брата и друга — «Приокских зорь», которые мы также поздравляем с пятидесятилетием, в дружбе со словом, нашим русским словом, развернув тугие паруса, и дальше смело, уверенно и бодро идти в океане отечественных буден, нередко штормящих, и держаться на плаву, как бы ни штормило, запечатлевая эти людские миги современности — характеры, поступки, движения душ. «Семь футов под килем», «Ковчег»!

*Людмила Алтунина,
г. Тула*

«ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ»

В наше время большую популярность приобрел термин «культурное пространство». В переводе на русский язык — «...это <...> пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.)*... «Как пространство бытования культуры — это та среда, в которой, координируясь, существуют и развиваются культурные явления».** Почему мы делаем акцент на этом определении? Дело в том, что ныне наше зрение, слух и прочие чувства буквально подавлены (в лучшем случае сильно раздражены) обилием рекламы, насилия, порнографии, пошлости, хамства и пр., активно наступающих на нас из всех средств массовой информации, из всех уголков нашего жизненного пространства. Поэтому очень важно, как во всяком противостоянии, четко определить кто ты, с кем ты, кто свои и кто чужие, каковы твои силы и на основе чего ты объединяешься с подобными тебе людьми.

В противостоянии с «тьмой», имя которой, как известно, легион, огромное значение имеет культура. «Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце»***.

В культурном пространстве Тулы, наряду с музеями и художественными выставками, театральными и музыкальными центрами и событиями, литературными объединениями большое значение имеют и все больше приобретают его литературно-художественные издания. К их числу относится всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», собравший под свое крыло — «Библиотека журнала» — альманахи «Ковчег», «На крыльях Пегаса», «На лирической волне», «Тульская сторонка». В пространстве значимы и такие издания, как «Тульское слово», «Тула», «Тульский краеведческий альманах», «Отчизне посвятим», «Крылья души», «Среда» и другие.

Особо хочется отметить альманах «На крыльях Пегаса». Его основателем, составителем и главным редактором является Эдуард Павлович Георгиевский. При первой встрече с ним он привлек мое внимание, прежде всего, взглядом. Привлек, как потом оказалось, Заслуженный врач Российской Федерации, поэт и прозаик, член Союза писателей России. Эдуард Павлович сразу же заговорил о литературном объединении «Пегас», о его значимости для литературной жизни города, о людях, активно участвующих в его деятельности, и, конечно же, о его руководителе Марке Самойловиче Дубинском. О своей же лепте ни слова, и о своем детище — альманахе «На крыльях Пегаса» всего лишь несколько скромных слов в конце беседы. Только позже, познакомившись поближе с литобъединением и изданием, я узнал подробности рождения альманаха. И был поражен, так как, согласитесь, в наш век стяжательства и безудержного потребления встретить человека, вложившего свои личные сбережения в проект, заведомо не могущий давать прибыли, это — уникальный случай. Однако он полностью соответствует природе личности Эдуарда Павловича, ибо все, что он делает — будь то консультативная медицинская помощь или литературное творчество, — делает с любовью к людям. Эта любовь вдохновляет все его дела, так как является внутренней потребностью души, требующей разделить ее настрой с окружающими.

---

* Олова Елена Валентиновна — Саратовский государственный университет им. Чернышевского. УДК 008 ОРЛОВА Е.В. Аннотация.

** Там же.

*** Цитата из книги: «Рерих Н. Твердыня пламенная». — Рига, 1991, с. 63 в работе Святохиной Г. Б. «Н. К. Рерих о культуре и её защите как условии эволюционного развития общества», Уфимский государственный университет экономики и сервиса, г. Уфа.

ем, передать его не только в своем творчестве, но и через альманах. Потому-то каждый выпуск «На крыльях Пегаса» замечателен.

Выпуск № 17 альманаха*, который я держу в руках, уникален и замечателен вдвойне. Он полностью посвящен 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Название его первой части, включающей прозаические и поэтические произведения авторов, «Этот день мы приближали как могли» очень символично, ибо говорит о глубокой связи нынешнего и предыдущих поколений наших людей.

Сборник открывается вступлением Марка Дубинского, ветерана Великой Отечественной войны, руководителя Тульской региональной общественной организации «Школа литераторов им. В. Ф. Пахомова», в котором он пишет: «...Действие нашей Державы, нашей Армии оказалось таким значительным, что с тех самых пор жизнь на Земле пошла совсем иначе, а именно: благосклоннее к Человеку. И это главная заслуга наших бойцов и командиров, наших тружеников тыла, всех тех, кто, не жалея себя и своего имущества, ковал и выковал Победу». Добавим от себя — эта битва была земным проявлением великой Небесной битвы, известной под названием Армагеддон, и наша Победа — соответственно, явлением Небесной Победы.

А теперь поговорим о содержании альманаха.

Валерий Яковлевич Маслов, многократно воспевший Тулу, ее военный и трудовой подвиг, представил в альманахе свой рассказ «Оружейная столица России», в котором он, в частности, пишет: «Невозможно переоценить роль и значение оружейной Тулы в победе советского народа в годы Великой Отечественной войны. Особенно сейчас, в год 75-летия юбилея Великой Победы. Всю свою историю, а, как известно, Тула на год старше Москвы, она являлась оружейным форпостом, защищавшим нашу Родину. Именно Тула стала тем городом, который в годы Великой Отечественной войны стал неприступным рубежом, преградившим танковой громаде Гудериана свой победный путь на Москву. Признанием особых заслуг нашего города в Победе против фашистской Германии стал факт присуждения звания "Город-герой" Туле». В рассказе имеется много важных и интересных для читателя подробностей.

Всероссийский известный поэт, мэтр этого жанра Валерий Георгиевич Ходулин тематике Великой Отечественной войны посвящает много своих стихов. Одно из его стихотворений — «Тихмяновская высота» — посвящено подвигу Героя СССР, генерал-майора (тогда ст. лейтенанта) Леонида Тихмянова, жившего и работавшего в Туле: «...Идут года. Зима сменяет лето. / Мы не забыли подвиг тот святой. / И с тех далеких пор высотка эта / Тихмяновской зовется высотой». Замечательны строки стихотворения «Когда уйдет последний фронтовик»: «...Фронтовику путевку в рай дадут, / Где много райских птиц и райских звуков. / И в гости к нему первыми придут / Товарищ Сталин и товарищ Жуков». Нельзя равнодушно читать стихотворение «Военный трамвай», повествующее о трамвае, возившем раненых с передовой в госпиталь: «...В бреду метались и ругались матом / Солдаты, опаленные войной. / И слезы лил вожатый / С автоматом / И с толстою косою за спиной». И завершает подборку стихотворений автора «Тепло» — призыв к нам, современникам и будущим поколениям: «Время — как паводок. / Время смывает невзгоды, / Только какой бы хорошею жизнь ни была, / Не забывайте далекие грозные годы, / И потому для людей не жалейте тепла».

С глубоким вниманием читаем познавательный очерк известного тульского краеведа, прозаика и поэта Евгения Ивановича Трещева «Бойцы бессмертного полка». Его героями стали: тесть автора, майор Родионов Иван Дмитриевич (1923—1987,

---

* «На крыльях Пегаса», 17 выпуск. Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах.— Тула, ул. Пионерская, д.1. Из-во «PRINT 71», 2020.— 230 стр.

уроженец д. Клевцово Лихвинского р-на Тульской области), дядя по отцу гвардии капитан Трещев Петр Трофимович (1910—1944, уроженец с. Тросна Крапивенского уезда (ныне Щекинский р-н) Тульской губернии), внук автора Трещев Дмитрий Викторович (1964—1983, погибший в Афганистане), дед автора Трещев Иван Трофимович (1911—1961, уроженец с. Тросна Крапивенского уезда Тульской губернии). Следует отдать должное мастерству писателя — очерк написан одновременно и досконально документально, и художественно мастерски.

Сергей Никулов не перестает восхищать читателей и знатоков поэзии своими прекрасными стихами. «Как же страшно звучит: / «Неизвестный солдат». / Нам,— «никто не забыт!» / Неустанно твердят. / Убедили весь свет. / Я поверить бы рад, / Если б не был мой дед / Среди безвестных солдат... («Неизвестный солдат»). Или вот еще: «... Прадед-воин люб и дорог, / Прочна связующая нить! / Каким бы сильным ни был враг, / Вовек России не сломить! («Летели из рассветной дали...»).

Как всегда профессиональны, значимы, образно точны, художественно ценны и красивы стихи Валерия Демидова. Вчитайтесь в эти строки: «...Снова мы поклонимся героям, / Спасшим не себя, а Ленинград. / Пусть они лежат в земном покое, / Кто-то без фамилий и наград... («Блокада Ленинграда»). «...Коль сквозняк выдувает память, / Коль своих забываем героев, / То исчезнут огни и храмы / И падут христианства устои. («Вечный огонь»). «...Научиться бы отваге, / Да ее не передашь / Ни словами на бумаге, / Ни экскурсией в блиндаж. / Это ведь совсем не просто: / В трудный час пойти туда, / Где встает большого роста / Черноглазая беда... («Поэма о матери»).

Знает не понаслышке о боях Великой войны ее участник, ветеран, поэт и прозаик Марк Дубинский. Он посвятил свои стихи «1941-й... Бой под Мценском» памяти курсантов Тульского оружейно-технического училища, погибших в ВОВ. А вот еще стихотворение: «...Мы вспомним тот бой, когда было невмочь, / Когда только штык был способен помочь...» «...Спасибо рукам, этот штык отковавшим, / И вечная память за Родину павшим!..»

Прекрасный поэт Александр Янежич далеко не равнодушен к теме обороны Тулы: «Артиллеристы задыхались у орудий: / Тут ветром огненным нещадно дуло. / На рубеже последнем гибли люди — / Стояла насмерть в сорок первом Тула».

Далее читаем стихи известной тульской поэтессы Ольги Бугримовой. В частности, в своем стихотворении «Мы учились жизни не по книгам» она очень верно пишет: «...Жаль, немного их осталось с нами, / Тех, кто нам по жизни помогли. / Но они достойными делами / И дорогой правильной вели».

Заставляет читателя проникнуться душой к судьбе героя очерка Татьяна Рогожина («Антресоль»).

Стихи Валерия Виноградова, посвященные Великой Отечественной войне, свидетельствуют о том, что его сердце не устает биться в ритме любви и преданности памяти о войнах, прошедших тот тяжкий путь и принесших Победу. «...Герои схватки страшной / Смогли все одолеть, / Живых и в битвах павших / Наш долг — в веках воспеть!»

Вновь трогает тонкий лиризм Натальи Кожемяко: «...Вижу я — и не забыть до смерти! — / И слеза сползает по щеке — / Треугольный синенький конвертик / На дрожащей старческой руке... («Конвертик»).

Духовна лирика Любви Самойленко: «...Пред иконой с волненьем склонюсь. / Помолюсь за погибших. За живых помолюсь. / И за мир на земле, и за новую Русь... / Помолюсь! Помолюсь! Помолюсь! («Дорогой к Храму»).

И как верны слова поэтессы Елены Гаденовой: «... "Родину защищал, как родную мать, / Как отца, сестру и брата", — / То были последние слова / Умирающего комбата».

Анатолий Миронов эмоционально верен и поэтически точен: «...Ревела война, уродуя, / Кромсая России грудь, / От Волги-реки до Одера / Нелегко солдатский

путь» («От Волги до Одера»). «...Всю горечь войны изведав, / Мы знали, мы твердо знали / И верили, что Победа, / Победа будет за нами!» («Победа — за нами!»).

«Не счесть потерь и подвигов солдата / Под самым первым натиском врага, / Погибли молодые все ребята. / За родину, что сердцу дорога!» — пишет Лидия Артюшина в стихотворении «22 июня». Темы ее стихов — не забыть подвиги отцов, память о своих родных, павших на войне, передать детям и внукам...

Интересны небольшие зарисовки-воспоминания ветерана Н. Н. Капралова, приведенные Валентиной Белевской (г. Тула). А ее стихи идут из самого сердца: «...Храним мы память свято! / Бессмертный подвиг... вЕчен и весОм! / Мы, поименно, каждого солдата / Через века в портретах пронесем!» («Бессмертный Полк»). «...Победы этой, славная Россия, / Во веки не поблекнут ордена! / Да будет мир под небом твоим синим, / Великая, прекрасная страна!» («Никто не забыт и ничто не забыто!»).

Знаковым является рассказ Сергея Бодрова о том, как в «наши времена — черствые, расчетливые, беспамятные, но с претензией на памятливость» чисто формально «кипит школьная игра "Зарница"», дети играют в войну, а потом — веселые мелодии, смех, шашлыки, сосиски... и никакого воспитательного слова, действия, никакого акта уважения к павшим. А ведь на этом месте в далеком 41-м погибла девочка, Натка, их ровесница, погибла, став целью фашистского летчика-охотника, который с улыбкой застрелил ее, как зайчонка... Старшее поколение, недовольное таким поведением детей, учителей и родителей, провидением Божьим привлекло внимание одной молодой учительницы, и она узнала историю Натки и рассказала ее детям. Они же организовали поход к могиле погибшей девочки. Так, пусть в небольшом масштабе, произошло воссоединение нескольких поколений людей. А это и есть единение в памяти. Подобное, делаемое всегда и везде, приведет к тому, что память народная будет живой и вечной!

Замечательны стихи молодого поэта Егора Козлова, привлекает внимание стихотворение Сергея Кононова «Исповедь отца», ценна проза Ольги Малыгиной и как призывно и горячо звучат ее строки стихотворения «Великая Победа»: «Нам нужно помнить свято / Историю войны, / Чтоб сохранить всю правду / Для внуков и страны!»

Елена Серегина хорошо написала об уроженке Тульского края, Почетном гражданине Тульской области, советской разведчице и писательнице Зое Ивановне Воскресенской.

Большое значение придает военной теме Татьяна Шелепина. Вот строки ее стихотворения «Последнее письмо»: «...Спасибо матери за сына, / Он будет жив в наших сердцах / И в нашей памяти незримо, / И в поколениях, и в веках». Яркое впечатление оставляют слова из стихотворения Бориса Шепелева «Все уже круг фронтовиков»: «...Но подвиг ваш, как яркая звезда / На темном бархате ночного небосвода,— / Он не померкнет никогда / В глазах спасенного народа!»

Своим родным, погибшим на войне, посвятили свою прозу и стихи Ирина Складорова, Татьяна Соловьева и Марина Федина. С короткой, но содержательной прозой о фронтовиках познакомил читателей Андрей Таловирко. Документально четко рассказал об участниках войны Алексей Титков. Короткую, но яркую прозу, основанную на реальных событиях, и стихи представил Николай Шеин. Сердечно написала Елена Грищенко: «Цветите, цветите, тюльпаны, / Победные празднуя дни! / Живите еще, ветераны! / Живите, легенды войны...» Достойна проза Наталии Иванинской и Алексея Ильинского.

Обращают на себя внимание произведения Виталия Воронкова, Юлии Деевой, Валентины Динесюк, Сергея Киреева, Нины Кузнецовой, Валентины Моисеевой, Розы Нарышкиной, Нины Никитенко, Сергея Овчаренко, Нины Поповой, Романа Романова, Галины Соломниковой, Виктора Судьенкова и Виктора Фролова.

Во второй части альманаха опубликованы песни. Это и произведения известных

авторов — современников Великой Отечественной войны, и представителей послевоенного поколения, и произведения современных тульских авторов. С душевным волнением листаем тексты и ноты таких известных песен, как «Если завтра война», «Священная война», «Катюша» (1938 г.), «Эх, дороги», «Давай закурим», «Друзья-однополчане», «Три танкиста», «Бери шинель, пошли домой», «Москвичи» (1957 г.), «В землянке», «Корреспондентская застольная», «Последний бой», «В лесу прифронтовом», «Мы за ценой не постоим», «Соловьи», «Синий платочек» и «День Победы» (1975 г.).

Конечно, поэты В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский, Л. Ошанин, К. Симонов, А. Сурков, Б. Окуджава, И. Френкель, А. Фатьянов, Б. Ласкин, Е. Винокуров, М. Ножкин и другие, а также композиторы Д. Тухманов, В. Соловьев-Седой, М. Блантер, А. Эшпай, Дан. и Дм. Покрассы, А. Александров, А. Новиков и другие неповторимы. Однако и современные тульские авторы внесли свою заметную лепту в песенное творчество о Великой Отечественной войне. Это поэты В. Боть, К. Струков, А. Миронов, В. Пашутин, Л. Шершакова, Г. Шейбух, С. Поздняков, В. Полков, С. Алымов, В. Сазонов и В. Васин и композиторы А. Белоусов, В. Пашутин, И. Мацнева, С. Третьюхина, А. Новиков, Г. Шейбух, О. Филатова, Ф. Гафурова, В. Смирнов и Р. Курченков.

Следует сказать, что формат альманаха позволяет качественно публиковать ноты песен, и любой музыкант при наличии фортепиано или рояля может тут же исполнить музыку песни.

Альманах иллюстрирован, и этим тоже интересен читателю.

Конечно, уровень публикаций в издании разный, есть и огрехи с точки зрения литературной теории и практики, так как большинство его авторов — непрофессионалы. Однако искреннее стремление выразить свое отношение к происшедшему и свои чувства читаются в каждой поэтической и прозаической строке, что читателя не оставляет равнодушным. А это самое главное. К тому же пишущие — люди из разных возрастных и социальных групп, и не только из Тулы и других крупных городов, но и из глубинки. Это тоже очень важно.

Подводя итог, можно отметить, что данный выпуск альманаха, посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, удался и представляет собой заметное явление в культурной жизни Тульского края.

*Яков Шафран,
г. Тула*

Елена Гаденова
(г. Тула)

К ЮБИЛЕЮ «КОВЧЕГА»

Член Союза российских писателей, прозаик, поэт.

С огромной радостью держу в руках «Ковчег», литературно-художественный альманах, его юбилейный выпуск. Десять лет с искренним интересом читаю в нем публикации тех, кто любит литературу, пишет прозу, поэзию, талантов не сосчитать... и на душе тепло, велик тульский край, могуч силой животворящего Слова! Отраднo, что слава «Ковчег» обрела своих читателей не только на тульской земле, но и далеко за ее пределами, а то, что альманах пополняется новыми именами из других регионов России, говорит о его важности, профессионализме, содержательности, возможности раскрыть и показать свои литературные произведения миру.

Я искренне поздравляю всех коллег по перу с этой замечательной датой, пусть все ваши задуманные планы исполнятся, а книжные магазины и библиотеки с радостью принимают ваши новые книги, чтобы к вам летели Небесные Музы и вдохновляли вас при свете звезд, свечей, утреннего неба, солнца, красоты природы и нежности нескончаемой любви, Божественного дыхания и восторга радости от ощущения прекрасного, которое всегда рядом с вами... Пусть «Ковчег» продолжает плыть по бескрайним просторам добра и разума, справедливости и душевности, рождений новых открытий, где в каждой строке стучат ваши благородные сердца... Счастья и здоровья, верного пути, который освещает великая планида — Дружба!

От всего сердца поздравляю с ЮБИЛЕЕМ «КОВЧЕГА» Якова Наумовича Шафрана, который подарил нам эту замечательную идею, создал альманах, плоды его великого труда объединили всех, кто публикуется в альманахе. Яков Наумович, огромное спасибо лично вам, и всем, кто причастен в создании «Ковчег»! Для России — это очень важно, для ее народа, который любит читать книги, читает и будет читать, вопреки тяготам и прочим причинам, ведь Слово и есть Хлеб Неба, он дорог всем нам и необходим... как Бог, Любовь и Жизнь...

